

МАРК ТЮФФ

ZOMBIE
FALLOUT

18+

ЧУМА НА ТВОЮ СЕМЬЮ

Марк Тьюфо
Zombie Fallout. Чума
на твою семью
Серия «Zombie Fallout», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22966179

*Тьюфо, Марк. Zombie Fallout: Чума на твою семью: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-100914-4*

Аннотация

Зомби-апокалипсис поставил человечество на грань вымирания. Новая доминанта, лишённые разума, голодные орды, прочесывают все вокруг в поисках немногих несчастных, которым посчастливилось – или не посчастливилось – избежать инфицирования лишь для того, чтобы превратиться в пищу.

Перед вами – вторая часть дневника Майкла Тальбота. Прирожденный выживальщик, он вынужден вместе со своей семьей и несколькими друзьями покинуть разоренный поселок Литл-Тертл, спасаясь бегством от безжалостного врага, который как будто пытается свести с Тальботами личные счета. Но продвигаясь на север среди разоренных полей, они выясняют, что бояться стоит не только зомби: теперь, когда закон и порядок превратились в воспоминание, некоторые люди решили взять ситуацию в собственные руки. Отныне речь идет уже не о простой

борьбе мозгов с их пожирателями. Ставки выше, чем жизнь – ведь нужно спасти свою бессмертную душу...

Содержание

Посвящения	7
СТОП!	9
Первый пролог	10
Второй пролог	17
Третий пролог	20
Четвертый пролог	22
Глава 1	23
Глава 2	32
Глава 3	37
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	57
Глава 7	65
Глава 8	70
Глава 9	81
Глава 10	100
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Марк Тюфо

Zombie Fallout: Чума

на твою семью

Mark Tufo

ZOMBIE FALLOUT: A PLAGUE UPON YOUR
FAMILY

Печатается с разрешения издательства fdnjhf

Copyright © 2010 Mark Tufo

© З.А. Мамедьяров, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

**Клянусь, эту рецензию писал не я, но я
определенно согласен с каждым словом!!!**

«Zombie Fallout: Чума на твою семью» не только продолжает историю Майка Тальбота с того самого момента, на котором закончилась первая книга, но и подхватывает весь жанр зомби-литературы и разделяет его под орех. Не знаю, что таит в себе больше неожиданностей – сюжет книги или личность ее главного героя. Я проглотил этот роман в один день, и не потому, что мне больше нечем было заняться, а потому, что, стоило мне взяться за чтение, как я почувствовал, что предам всех персонажей, не оставшись с ними до

конца. Марк Тьюфо пишет грубо и реалистично, благодаря чему ты чувствуешь себя не просто читателем, а участником событий, которого быстро вводят в курс дела, объясняя, что произошло, пока он отлучался на кухню за бутербродом. В отчаянные времена в голову лезут престранные мысли, и Марк описывает эти, казалось бы, абсурдные идеи так, что я не раз усмехался, думая: «Ого, может, я не единственный парень, кто думает только о сексе, снова сексе, еде, сексе и сексе». Чертовски хорошая история от прирожденного рассказчика!»

Рич Бейкер – экстраординарный фанат зомби

Посвящения

Во-первых, я хочу посвятить эту книгу моей жене – и не только потому, что это весьма благоразумно. Бесчисленные часы она провела, выслушивая мою болтовню о сюжетной линии и персонажах, мои размышления о том, что с ними должно произойти. Ее непоколебимая вера в то, что я не сойду с ума, пока не допишу этот роман, несказанно вдохновляла меня. Спасибо, любовь моя!

Во-вторых, я посвящаю эту книгу моему брату Рону, который потратил уйму времени, читая и перечитывая ее текст, чтобы сделать его лучше – как в сюжетном отношении, так и с точки зрения грамматики. СПАСИБО! Он не переставал твердить мне, что он гордится мной, а такая похвала из уст старшего брата дорогого стоит.

В-третьих, я посвящаю эту книгу всему клану Тюфо, ведь яблочко от яблони недалеко падает. Если бы не их вдохновляющее воздействие, я бы, наверное, написал любовный роман.

В-четвертых, эта книга посвящается всем отважным мужчинам и женщинам вооруженных сил. Спасибо за то, что вы делаете!

В-пятых (но не в-последних!), я посвящаю эту книгу вам, моим фанатам. Я до сих пор не могу привыкнуть к мысли, что у меня вообще есть поклонники. Мне ужасно хочется

поблагодарить вас всех поименно, но я боюсь, что могу кого-нибудь пропустить. Впрочем, вы и сами знаете, о ком я говорю, ведь мы общаемся и дружим на фейсбуке. Вы любезно делились со мной своими мыслями и мнениями, давали мне множество советов, как улучшить вторую книгу. СПАСИБО! Именно вы – моя движущая сила, благодаря которой я продолжаю писать. Генри радостно виляет хвостом каждому из вас!

СТОП!

Это вторая тетрадь дневника Майкла Тальбота. Если вы не прочитали первую под названием «*Zombie Fallout: Апокалипсис*», найдите ее в любом из форматов.

Весь этот ужас начался с прививки от гриппа, и ему пока нет конца. По крайней мере хорошего.

Первый пролог

Происхождение Элизы

Земля была влажной, темной, глубокой и сладкой. Она окутывала Элизу, как теплое детское одеяльце. Элиза была голодна – ужасно, невыносимо голодна. Но что-то в этом было не так. Она хорошо поела менее суток назад и должна была оставаться сытой еще дня три как минимум. И все же чувство голода лишь усиливалось. Охотница поднялась со своей земляной постели, радуясь, что все скорбные мысли о прошлом покинули ее.

Элиза выросла в то время, когда детство еще не считалось священным. Дети в ту пору были скорее расходным материалом, их можно было использовать и мучить, как и когда того хотелось хозяевам. Крестьянская дочь, в Германии начала 1550-х, она была нижайшей из низших. Когда над разоренными полями засвистели ветра войны, Элизу подхватило и затрепало вместе с остальным подобным ей отребьем. Она была лишь имуществом своих господ, переходившим от одного хозяина к другому. В этой жестокой реальности и закалился ее стальной характер.

В девятнадцатый день рождения у Элизы наконец-то появилась возможность снять с себя кандалы, в которых она находилась уже без малого десять лет. Таинственный незна-

комец подошел к ней и предложил свободу. Девушка и бровью не повела, когда он начал рассказывать ей о том, какое будущее ее ждет. Ее разум был затуманен одной-единственной мыслью о жуткой мести всем своим мучителям. Список их был велик, и девушка точно знала, с кого начать.

Элиза почувствовала резкую боль, когда незнакомец вонзил свои клыки в ее грязную шею. Не в силах противиться, она вдыхала запах человека, который впивался в ее сонную артерию. И этот запах был ей хорошо знаком. Сама смерть в предвкушении следующей жертвы льнула к нему, как новорожденный к матери. Этот человек был жнецом отчаяния и печали.

Элиза не знала точно, что он в ней нашел. Может, он догадался, что смерть станет для нее освобождением, дорогой прочь от всех ужасов мира, раздираемого войной. Но она ошиблась. Ему вовсе не хотелось оказывать ей такую услугу. Он лишь увлек ее вслед за собой в другую, доселе неизведанную бездну. Она пережила все самое жуткое в этом мире, и обратить ее означало выпустить в подлунный мир новый кошмар.

Следующие сорок лет она страдала под гнетом нового хозяина. В своей жестокости, извращенных наклонностях и тяге к насилию он значительно превосходил худших из ее прежних господ. Поэтому, когда она, наконец, снесла его безумную голову с сутулых плеч, это стало для нее началом, а не концом. Теперь она была по-настоящему СВОБОДНА.

Она обладала огромной силой и кипела от ярости.

Хотя большинство из тех, кто мучил ее, уже умерли, она не забыла о своей мести. Она бродила по полям, всегда держась в тени, всегда избегая света. Смерть не просто льнула к ней – она выжидающе бродила вокруг. Зачем утруждать себя, пожиная души умирающих, когда есть надежный поставщик, косящий всех без разбора? Все, кому Элиза встречалась на пути, дрожали от страха. Но ужас быстро сменялся эйфорией, как только потенциальная жертва чувствовала, как клыки беспощадного хищника вонзались в кого-то другого.

Она прожила так почти пять сотен лет, время от времени обращая кого-нибудь себе в компаньоны, чтобы вместе вершить свое мщение. Однако она слишком хорошо помнила тот восторг, который испытала, освободившись, и не позволяла своему отродью прожить больше пары десятилетий. Эта гримаса открывшегося им вероломства и предательства, что искажала их лица в момент, когда она убивала их, не переставала изумлять и веселить ее.

Как и многие крупные хищники, она вела кочевой образ жизни. Она следовала за добычей. Когда по городам и деревням, где она охотилась, начинали ходить слухи о демонах и чудовищах, пищи становилось все меньше. Местные жители все реже и реже отваживались выходить в кишашую ужасами ночь. Но Элиза не боялась возмездия. Она боялась только голода, терзающего ее душу, голода, который заставлял

ее рвать и метать, разрушая подчистую все, чего в этом мире она была лишена. Поэтому, добравшись в начале восемнадцатого столетия до Нового Света, Элиза, наконец, поняла, что нашла свой дом. В огромной, малонаселенной стране она стала легендой. Индейцы ошибочно называли ее вендиго¹, но маунтинмены² и жители мелких городов презрительно отмахивались от индейских рассказней о жутком существе, которое выпивало души до дна. И чем больше народу пропадало, тем чаще это объясняли лишь совпадением. Легенда жила, обрастала все новыми подробностями, а вместе с ней, к удивлению самой Элизы, росло и ее эго. А ведь она не могла даже припомнить, когда в прошлый раз испытывала что-то хоть отдаленно похожее на человеческие чувства.

Ей не была знакома любовь – она не знала ее даже в детстве. Любовь была сумасбродством, напрасной тратой времени. Выживание – вот что было действительно *важно*. Элиза не чувствовала ни жалости, ни раскаяния; она была не способна сострадать. У нее были потребности. У нее был голод. Вся ее жизнь сводилась к тому, чтобы утолять его.

Проснувшись в тот холодный день поздней осени 2010 года, она и не предполагала, что он будет чем-то отличаться от бесконечной чреды других, прожитых ею за сотни лет.

¹ Вендиго или виндиго (англ. *Wendigo* или *Windigo*) – дух-людоед в мифах коренных народов Северной Америки. – *Прим. ред.*

² Маунтинмены или люди гор, горцы (англ. *Mountain man*) – охотники, первопроходцы и торговцы пушниной на Диком Западе США, устремившиеся в район Скалистых гор в поисках ценной добычи в начале XIX века.

Она была голодна. Настала пора найти себе пропитание. Пора проредить род человеческий.

Элиза не любила стариков. С годами их кровь становилась безвкусной, превращаясь в несъедобную водянистую похлебку из лекарств и дешевых полуфабрикатов. Пышущие здоровьем взрослые на вкус были очень ничего, но, если Элиза не собиралась выпивать их до дна, она предпочитала не связываться с ними, чтобы не оставлять свидетелей. Подроски ей тоже не нравились – их кровь, как правило, была перемешана с наркотиками и выпивкой. О, любимым блюдом Элизы были младенцы. Их роскошный, чистый аромат пробуждал все ее глубинные чувства. Может, это были лишь отголоски материнского инстинкта? Или же младенческая кровь рождала в ней чувство единения с Творцом? Элиза порой задавалась этими вопросами, но не в ее характере было размышлять над особенностями собственной личности. Она предпочитала действовать.

В любой легенде всегда найдется крупинка правды, не смотря на все старания Голливуда исказить ее. Старое поверье, что вампир не может войти в дом без приглашения, не так уж далеко от реальности. Только на самом деле все несколько сложнее. Вампир может войти в любой дом, если ему этого не запретили. Но в наши дни, когда вся магия сводится к карточным фокусам, многие ли освящают свои жилища, чтобы защитить их от вампиров (и ведьм впридачу)? Этот древний обычай, которым прекрасно владели друиды,

перешел в бесчисленное множество европейских культур. К сожалению, пересечь океан это знание так и не смогло. После ритуала запираания дверей вампир лишался части своей силы и больше не мог войти без приглашения. Впрочем, зачем кому-то приглашать домой вампира – вопрос открытый.

Вампиры действительно умеют контролировать разум жертв, но лишь на ограниченном расстоянии и только поддерживая зрительный контакт. Что же до поверья, что они не отражаются в зеркалах, это тоже правда лишь отчасти. В зеркале их действительно не видно, но причина вовсе не в том, что у них нет души. Это связано с их способностью преломлять свет. Они делают это неосознанно, но при том могут себя контролировать. Это их хищническая маскировка, подобная окрасу льва, сливающемуся с цветами саванны, или полоскам тигра, скрывающим его в джунглях Индии. Из-за этой рефракции человеку нелегко «увидеть» вампира. Обычно его замечают лишь краем глаза, как черную тень, пролетающую мимо. Если вампира засекли, то он совершенно точно сам пожелал этого, вполне возможно, чтобы вселить страх в своих жертв. Говорят, что адреналин, бегущий по венам в моменты испуга, словно амброзия, делает кровь гораздо слаще.

Были времена, когда Элиза волновалась на охоте, чувствуя вкус сдобренной страхом крови и запах ужаса, исходящий от намеченной жертвы. Страх, ужас, паника – она избавилась от всего этого. Отсутствие этих чувств доказывало ее

превосходство, ее главенство в этом мире людей.

Элиза ненавидела все человечество, но в особенности – мужчин. Она питалась всеми, кто попадался под руку, но чувствовала мрачное удовлетворение, вонзая клыки в артерии мужчин чуть глубже, терзая жертву больше, чем это было необходимо. Стоит оговориться, что после укуса вампира на самом деле не остается следов (если только сам вампир этого не захочет). Если вампир не желает сделать заявление (обычно простое – «Не связывайтесь со мной!»), он не станет оставлять проколов на шее. В большинстве случаев укус вампира посчитают комариным. У вампиров есть и другие преимущества – они способны быстро исцеляться и могут сжиматься в красную точку, не больше кончика карандаша. Это помогает им в охоте – так жертвы практически не замечают их. А поймать ничего не подозревающую жертву проще простого.

Второй пролог

Элиза сегодня

Было 6:30 утра, когда Эрик Гото, одетый лишь в куртку не по размеру, пижамные брюки и зимние ботинки, прошел по длинной подъездной дорожке и поднял с земли утреннюю газету.

– Сколько раз я твердил этому пацану, чтобы он кидал газету на крыльцо! – сказал мистер Гото вслух только для того, чтобы зубы не стучали от мороза.

Он стоял на дорожке и чувствовал, как внутри нарастает тревога. Забыв о мальчишке-газетчике, он поплотнее запахнул куртку. Было до странности холодно. Краем глаза он видел как будто какое-то мельтешение, от чего ему хотелось сорваться с места и броситься бежать куда глаза глядят. Но голова кружилась так, что он едва держался на ногах. И вдруг все прекратилось столь же внезапно, как и началось. Заметно потеплело, хотя на улице было почти минус десять. Сердце Эрика, едва не выпрыгивавшее из груди, забилось спокойнее. Дыхание стало ровнее. Колени почти перестали дрожать.

«Прямо как кролик у лисы перед носом», – подумал Эрик, даже не догадываясь, насколько близки к истине его ощущения. Но, как и большинство современных людей, он пред-

почел не замечать сигналов, подаваемых его основными инстинктами, и подключил разум, тем самым полностью игнорируя более тонкие материи: «По-моему, мне пора в отпуск. Не будь мне тридцать четыре, я бы решил, что только что перенес удар. Решено! Либо этот пацан кидает газету ко входу, либо я подписываюсь на USA Today».

Шаги Эрика замерли на полпути к дому. У него на глазах наружная дверь открылась без явного человеческого вмешательства. По коже Эрика побежали мурашки – ему было не по себе от ощущения, что за ним кто-то наблюдает. К собственному удивлению, он чувствовал себя нечистым и нездоровым.

– Ветер, видимо, сильнее, чем кажется, – сказал Эрик, уже не столь уверенный, что ему хочется вернуться с мороза в свой «безопасный» дом. Нахмутив брови, он задумался, почему у него пропало желание соваться в «волчье логово». – И с чего бы мне так думать? И вообще, почему я говорю сам с собой?

И все же он не умолк, а продолжил рассуждать уже в форме диалога:

– Потому что ты всегда так делаешь, когда злишься... или боишься.

– У тебя в доме кто-то есть!

– Ты ведь инженер, Эрик. Мысли логически. Дверь открыл ветер. Только и всего.

– Тогда почему ты не спешишь убраться с мороза?

– Уже иду.

– А как же жена и ребенок?

– Уже слишком поздно, – простонал он.

Последним, что услышит Эрик, станет бессердечный хохот. Его замерзшее тело обнаружат только спустя два дня. Но к этому времени уже произойдут события поважнее.

Третий пролог

Трансформация Элизы

Элиза не собиралась убивать женщину и ребенка, но дерзкая тварь каким-то образом почуяла вторжение и поступила так, как и всякая мать, – бросилась защищать своего отпрыска.

Элиза наслаждалась свежестью и чистотой младенческой крови, ее близостью к самому источнику жизни, когда женщина вошла в комнату. Элиза стояла там во всей своей чарующей жестокости. К ее удивлению, женщина не закричала и не попыталась убежать, а осталась на месте. И не просто осталась, но и, вопреки всем инстинктам, пошла в наступление. Если бы газель вдруг бросилась на льва, тот, наверное, опешил бы на мгновение, но больше от неожиданности, чем от страха. И все же, кем себя возомнила эта нахальная стерва? Молниеносным движением Элиза схватила женщину за горло своей нечеловечески сильной рукой. Вместо того чтобы сразу лишить ее никчемной жизни, Элиза держала ее, пока не выпила из младенца всю кровь до последней капли.

Огромными от ужаса глазами мать наблюдала за тем, как отнимают жизнь у ее дитя. Когда Элиза закончила трапезу, убивать женщину в общем-то даже не имело смысла – после смерти ребенка она и так перестала подавать признаки жизни.

ни. Рассмеявшись, Элиза пронзила ногтями мягкую кожу на ее горле. На этот раз женщина даже не думала сопротивляться. Кровь брызнула во все стороны, словно для нее было счастьем вырваться на свободу из узких вен. По лицу Элизы потекли широкие алые струи нектара, и она принялась жадно их слизывать, наблюдая, как в ее жертке гаснет искра жизни.

Элиза не знала, что, возможно, сделала одолжение семье Гото, пусть никто и не мог оценить ее услуги. Накануне Эйлин Гото, медсестра, украла три дозы дефицитной вакцины от гриппа H1N1. Как медик она имела право на приоритетное лечение, которое распространялось и на ребенка, но вот ее мужу, вечно подхватывавшему всякую заразу из-за стрессов на работе, скорее всего, прививки бы не досталось. Поэтому Эйлин считала, что крадет только одну дозу, и убеждала себя, что ее муж, уважаемый инженер и ценный член общества, заслужил ее больше, чем какой-нибудь обдолбанный наркоман из больницы, в которой она работала.

За час до того, как ее муж прошел маршем смерти за газетой, она сделала прививки всем троим. Она специально встала пораньше, надеясь, что спросонья дочурка даже не поймет, что происходит. Истинный ангелочек, Джилли Гото, не прекословя, позволила матери сделать все необходимое.

Когда Элиза вкусила ее крови, содержащийся в вакцине яд уже почти преодолел слабое сопротивление белых кровяных телец.

Четвертый пролог

Дневник Майка

Привет, меня зовут Майкл Тальбот, и это мой дневник. Если вы нашли его, то, скорее всего, я мертв. Первый дневник мне пришлось бросить в нашем доме в Литл-Тертл, но клянусь, я позабочусь, чтобы эту тетрадь не постигла та же участь. Я понятия не имею, как мир стал таким. Когда я был жив, мы вели войну, и восемьдесят пять процентов ее участников даже не подозревали, что идут сражения. Они просто хотели есть, а мы не хотели быть съеденными. На этих страницах – моя история, история моей семьи и моих друзей. Это правдивый рассказ о том, что случилось с Тальботами, записанный тем, кто все это пережил. Писал ли я беспристрастно? Не знаю. Писал ли я субъективно? Само собой. Хочу надеяться, что вы обнаружили этот дневник потому, что мне пришлось в спешке эвакуироваться. Но, что более вероятно, я погиб. Я так устал! Может, теперь я получу, наконец, заслуженный отдых...

Глава 1

Дневник Майка. Запись первая

Тела зомби взрывались под сокрушительным весом фуры. На землю дождем осыпались раздробленные кости. Время от времени о борт глухо стукались глазные яблоки. Шум на крыше был просто невыносим – не знаю уж, что творилось внутри. Из поверженных тел вырывались ядовитые газы. Те несчастные, что застревали у плуга, медленно откатывались в сторону, словно их, как главную ошибку человечества – что, кстати, не так уж далеко от правды, – стирал с лица земли громадный ластик.

Фура напоминала остров в море смерти и разложения. С самого начала этой эпидемии я еще ни разу не боялся за близких сильнее. Мы сбивали и переезжали зомби, фуру шатало из стороны в сторону, а мертвецы цеплялись за жизнь – какой бы странной их новая жизнь ни была.

Почему-то я не додумался привязать к фуре своего английского бульдога Генри, и теперь мне приходилось одной рукой прижимать его к себе, словно он был дорогой покупкой из «Сакса»³ на Пятой авеню, с которой я шел ночью

³ «Сакс, Пятая Авеню» (англ. – *Saks Fifth Avenue*) – универсальный магазин одежды на углу Пятой авеню и 50-й улицы в Нью-Йорке; главный магазин в одноименной сети. – *Прим. ред.*

по Центральному парку. Другой рукой я держался за ручку, привинченную к крыше фуры двумя ничтожно маленькими шурупами.

Если вы прочли первую тетрадь моего дневника, вы уже знаете, что Генри дорог мне не меньше родных детей. А что до тех, кто скажет, что он просто пес... что ж, вы, наверное, кошатники и не видите дальше собственного носа. Но я на вас не в обиде. К счастью, Генри не дергался, иначе эта история закончилась бы, едва начавшись, оборванная моей преждевременной гибелью.

Шурупы подрагивали. Я нисколько не сомневался, что рано или поздно они не выдержат нагрузки, ведь я цеплялся за ручку изо всех сил. Видимо, мои последние мгновения были уже предрешены: раздастся громкий треск, шурупы вылетят из гнезд, и моя туша слетит с крыши фуры прямиком в лапы сбившихся в кучу пожирателей плоти и мозгов. Но Алекс, слава богу, оказался мастером более умелым, чем я предполагал, ведь иначе я бы не сидел бы сейчас здесь и не писал эти строки.

Алекса я знаю всего пару недель, но считаю настоящим другом, особенно после того, как он спас всю нашу семью сегодня – в Рождество.

Он появился в Литл-Тертл немногим позже того, как пришли мертвецы. Он спроектировал и возвел практически все защитные сооружения, которыми мы пользовались в нашем городке, теперь разоренном. Если бы не крепкие подпорки,

которые он приладил к стенам, в тот судьбоносный день я бы ни за что не сумел вовремя выбраться из камеры и добежать до дома.

Вспоминая об этом, я содрогаюсь при мысли о Джеде. В те времена, когда мир казался гораздо проще, мы враждовали, не в силах договориться о том, в какое время выносить мусор. Но я не видел Джеда с того самого дня, когда упали стены. Он выпустил меня из камеры, где я ожидал суда за убийство. Да, я убил одного тупого извращенца, и мир от этого стал только чище, но все же это было убийство. Почему я прикончил его, я вспоминать не хочу, ведь времени у нас и так немного. Если вам не терпится это узнать, поезжайте в Литл-Тертл, что на границе Денвера и Авроры в Колорадо. Я оставил дневник у себя в кабинете, перед тем как мы чудом успели подняться на чердак. Уверен, через несколько дней зомби уйдут оттуда, ведь им станет нечего есть.

Мы удалялись от зоны поражения, и фура шаталась все меньше. Мне показалось, что я услышал всеобщий вздох облегчения, но, что более вероятно, все просто набрали в легкие побольше воздуха, поняв, что наконец-то можно дышать полной грудью: дыхание перехватывало не от страха, а от жуткой вони. Мертвецы не заботятся о личной гигиене. Сказать, что зомби «плохо» пахнут, – все равно что сказать, что у прокаженных просто легкая форма акне⁴.

Фура резко остановилась ровно в одной целой одной де-

⁴ Акне (угри) – воспалительное заболевание кожи. – *Прим. ред.*

сятой мили от моего дома. Я отпустил Генри – левой рукой мне пришлось разжимать пальцы правой, которые, казалось, примерзли к ручке. Ведь, когда зомби полезли ко мне в спальню, я не догадался захватить с собой теплую одежду. Да, сидите в своем бомбоубежище и осуждайте меня сколько влезет – я ведь не подготовился должным образом. Но я уделываю как минимум девяносто процентов населения этой планеты. Я до сих пор жив – и не превратился в живого мертвеца, – а это, по-моему, весьма и весьма неплохо.

Зомби не было видно, но я понимал, что ситуация может измениться в любую секунду. Протянув руку, я помог своей жене Трейси спуститься. Она, похоже, немного обиделась, что первым я поставил на землю Генри и только потом переключил внимание на нее. Но вы же понимаете, собака – лучший друг человека. К тому же он, по-моему, ужасно хотел в туалет. Я довольно хорошо его знаю, чтобы понимать: когда припрет, он маму родную продаст, не моргнув глазом.

Моей дочери Николь помог спуститься ее жених Брендон. Они пребывали в той прекрасной стадии влюбленности, когда он был сама галантность. Все это умрет, стоит ему впервые погромче пернуть в ее присутствии, но пока в их маленьком мирке еще благоухали розы. С задней части фуры прыгнул мой лучший друг Пол. Его жена Эрин ворчала, что никак не может размять онемевшие руки. Мой сын Тревис тоже слез с крыши и уже патрулировал периметр, благослови Господь его душу. Томми помог спустить еще слабого от

царапины зомби Джастина, моего среднего сына, а внизу его принял Пол. Джастин был и рад, и смущен: он радовался, что остался жив, и смущался, что ему вообще потребовалась помощь.

Сам Томми, который и в прямом, и в переносном смысле был нашей главной загадкой, прыгнул с крыши последним. Раньше я думал, что это я спас его шкуру в «Волмарте» – как это было давно! – но теперь мне начинает казаться, что это *он* явился, чтобы спасти *нас*. В прошлой жизни он работал в «Волмарте» зазывалой и расточал всем покупателям приветливые улыбки. Если ему и не хватало «нормальности», так это с лихвой компенсировалось его легким нравом, открытой душой и огромным сердцем, в котором находилось место для каждого. Но это были далеко не все положительные качества, которыми обладал Томми.

Не поймите меня неправильно, я любил этого паренька. Но было в нем что-то такое, чего понять я был не в состоянии. Взять хотя бы то, что у него был духовный наставник, который (по словам Томми) выглядел и говорил, как Райан Сикрест⁵. Вот... А еще он знал вещи, которых знать просто не мог. И эта чертова фура... Не поймите меня неправильно, я до жути рад, что Алекс подросел вовремя, но это не было совпадением.

Жена Алекса, Марта – родственница Томми по материн-

⁵ Знаменитый американский теле- и радиоведущий, постоянный ведущий шоу American Idol. – Прим. переводчика.

ской линии. Каким-то образом он сумел зацепиться за эту связь и призвать их на помощь. Видя такое, мне остается лишь развести руками. Но теперь спаситель человеческой расы спрыгнул с узкой лесенки и с громким стуком приземлился возле фуры, отчего я усмехнулся. Он, улыбаясь, взглянул на меня. На самом кончике носа у него висела огромная капля арахисового масла. Это не укрылось от острого взгляда Тревиса, который как раз вышел из-за фуры, замыкая очередной патрульный круг.

Остановившись как вкопанный, Тревис уставился на вопиюще здоровую сладкую каплю.

– Что? – спросил Томми, явно не понимая, что в нем так заинтересовало Тревиса.

Тот не отводил взгляда. Наконец Томми скосил глаза к переносице и заметил каплю, после чего глуповато улыбнулся и пожал плечами.

– Что это было? – спросил Тревис с нотками зависти в голосе.

Казалось, Томми не может решить, выложить все начистоту или притвориться, будто ничего и не было. Само собой, победила честность.

– «Сникерс», – осторожно сказал он.

– У нас есть «Сникерсы» с арахисовым маслом? Но их ведь уже не выпускают! – умоляюще глядя на меня, воскликнул Тревис.

В ответ на его вопросительный взгляд я просто пожал пле-

чами. В этот момент я бы не усомнился, что Томми быстро смотался в альтернативную вселенную, где все еще выпускали «Сникерсы» с арахисовым маслом, и стащил себе несколько штук. Что ж... Вообще-то, конечно, я бы в такое *не поверил*: я уже знал Томми и был уверен, что он бы точно за них заплатил.

– Были, – ответил Томми, липким пальцем снимая каплю с носа и аккуратно помещая ее в рот.

Все сомнения в том, чем именно подкреплялся Томми, мгновенно исчезли, когда я вытащил порядком изжеванную обертку от «Сникерса» с арахисовым маслом из пасти Генри. Мне было очень любопытно узнать, откуда взялась эта шоколадка, но если бы я развернул бумажку и увидел на ней что-то вроде «произведено в Соединенных Штатах Колумбии», то, ломая над этим голову, только потерял бы драгоценные минуты, которых и так осталось немного. Мир сошел с ума, и урны поблизости не было, но мусорить мне все равно было неудобно, поэтому я сунул изжеванную Генри обертку в карман. Гермофоб⁶ внутри меня содрогнулся, когда я взглянул на облизанную ладонь.

– Черт, ну и мерзость, – бросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Впрочем, я тут же забыл о раздражении, мой взор напол-

⁶ Гермофоб – человек, страдающий гермофобией (от англ. *germ* – микроб) – навязчивым страхом загрязнения и заражения микробами при контакте с предметом или человеком. – *Прим. ред.*

нился любовью, как только упал на мой джип. Где-то с неделю назад мы с Бренденом оставили машины – его огромный «Форд Эксплорер» и мой «Джип Рэнглер» – в миле от ворот Литл-Тертла. Оба автомобиля были забиты туристическим снаряжением, боеприпасами, едой и водой – да плюс нашей толпой, – так, что машины начинали походить на фургоны бродячего цирка.

Алекс подождал, пока мы заведем моторы, и только потом включил заднюю передачу. Некоторые пассажиры фуры громко возмущались, что мы остановились слишком близко к разоренному Литл-Тертлу. Я их за это не виню. Я до сих пор не мог поверить, что они вообще вернулись за нами.

Томми высвободился из тетушкиных объятий.

– Томми, ты уверен? – Марта вопросительно посмотрела на него.

Их разговора я не слышал, но общий смысл уловил. Марта хотела, чтобы племянник поехал вместе с ними в кузове фуры. Она наконец-то сумела справиться с потрясением, в которое ее ввергли зомби, и вовсе не желала снова ставить себя под удар, ведь потерю еще одного члена семьи она бы не перенесла. Я прекрасно понял ее огорчение, когда Томми печально ответил:

– Нет, тетушка, я не могу.

– Но почему, Томми? У меня ведь только ты остался из родственников, – взмолилась она.

Я знал, что такие слова не могли не задеть Томми, и уже

собрался было попросить ее, чтобы она оставила парня в покое, но вовремя понял, что это было бы неправильно. Они ведь как-никак были родственниками. А я – лишь чужаком. Черт, да я ведь с этим пареньком едва знаком!

Глава 2

Дневник Майка. Запись вторая

Позже я спросил у Алекса, почему он не узнал в Томми своего племянника, ведь парень работал у него в бригаде, и тот ответил просто:

– Я его в жизни не видел, Майк.

Казалось, больше он ничего не скажет, а я – бог свидетель! – жутко хотел узнать подробности, но чувство такта взяло свое и я не стал на него давить. Но Алекс, похоже, просто подбирал слова, не зная точно, как яотреагирую.

– Я отсидел, когда мне было восемнадцать, – сказал он, опустив голову и явно чувствуя себя неловко. Возможно, от удивления челюсть моя немного отвисла, но он этого видеть не мог. – Семья Марты меня ненавидела и в конце концов отеклась от нее, потому что она вышла замуж за зека.

Он взглянул на меня, нервно улыбаясь, и продолжил:

– Ее родители – убежденные католики. Или были католиками, – поправился он. – Но толку-то? Разве они не проповедуют всепрощение?

Складывалось впечатление, что Алекс в любую секунду готов был взорваться. Судя по всему, эта тема для него была весьма болезненной.

– Слушай, Алекс, – начал я, кладя руку ему на плечо. Мне

хотелось сказать ему, что сейчас у нас есть дела поважнее, но он и сам все понял.

– Знаю, Майк, знаю. Ее родителей, да и большей части ее семьи уже и нет, наверное, но из-за них моя Марта так страдала. Ее мать и отец **ВООБЩЕ** ни разу не пришли, даже чтобы взглянуть на наших детей. Боже, Майк, и все это из-за того, что двенадцать лет назад я отсидел за угон!

Уф-ф, я ужасно обрадовался, что причиной оказалось не изнасилование, не совращение малолетних и не прочая мерзость в этом роде, ведь, как бы он ни нравился мне сейчас, я бы уже не смог относиться к нему по-прежнему. В жизни есть преступления, с которыми смириться нельзя, и вышеперечисленные однозначно входят в список.

– Им было плевать, что в тюрьме я получил образование, а когда вышел, не покладая рук работал подмастерьем у плотника, чтобы заплатить за учебу. Им на все это было плевать. В их глазах я навсегда остался тем зеком, который испортил их дочь. Черт, да когда я вляпался в это дерьмо, я ее даже не знал! Но если их послушать, получается, что она едва ли не на стреме стояла, пока я вскрывал тачки. – Он сделал паузу. – Получив диплом инженера, я открыл строительную фирму. Марта работала в отделе кадров. Мы начали встречаться и влюбились друг в друга. За ужином, знакомясь с ее родителями, я рассказал им о своем прошлом, чтобы когда-нибудь потом не стало для них внезапным сюрпризом. Ее отец просто с катушек слетел. Он выставил меня из дома и запретил

дочери со мной видятся.

Поэтому мы сбежали. А ее родители отреклись от нее. Марта ужасно расстроилась, но и подумать не могла, что они больше никогда не захотят ее видеть. Вот родится ребенок – и они все поймут. Но эти чертовы мерзавцы даже не позвонили ей, чтобы поздравить с рождением первенца. Кусочек души моей Марты умер, когда она поняла, что родители окончательно разорвали с нею все отношения.

А когда родилась Вера, наша вторая дочка... она еще глубже погрузилась в отчаяние. Она проклинала себя. Когда на пороге появились зомби, она чуть не сошла с ума. Мне сначала даже показалось, что она стала одной из них.

Я содрогнулся.

– Она так медленно выкарабкивалась из депрессии, – продолжил Алекс, – но когда Томми... не знаю, как и сказать... послал сигнал? Зажег маячок? Неважно... Главное, что тогда я впервые за семь лет увидел ее полностью свободной от гнета родительского проклятия.

– Да уж, Томми умеет произвести впечатление, – не подумав, брякнул я.

Алекс посмотрел на меня, как на сумасшедшего, но я не стал пояснять свои слова, окончательно сбив его с толку.

– И когда она попросила меня развернуть фуру, я ни секунды не колебался. Да я в пекло готов поехать, лишь бы только снова увидеть в ее глазах искры жизни.

– Черт, Алекс, ты в самое пекло и ринулся, – сказал я, и

он согласно кивнул.

– Так вот, возвращаясь к твоему вопросу. Она рассказывала мне о своей семье, о братьях и сестрах, о племянниках и племянницах, но фотографий у нее не было. Как только мы сбежали, ее родители выкинули все вещи из ее комнаты. Ей запретили забрать хоть что-нибудь, а ее братьям и сестрам сказали, что их постигнет та же судьба, вздумай они хотя бы упомянуть ее имя. Так что она фактически стала сиротой. Знаешь, теперь мне кажется, что Томми часто поглядывал на меня за работой. Думаешь, он знал, что я такой? Может, у него была фотография...

– О, не сомневаюсь, он точно знал, кто ты, только вот не по фотографии – это слишком банально, – ответил я, и Алекс снова посмотрел на меня в надежде, что я продолжу.

– На American Idol никогда не бывал? – как ни в чем не бывало спросил я.

– Майк, я ведь говорил, с текилой надо быть поосторожнее.

– Терпеть ее не могу, да и нет ни капли. Спокойной ночи, Алекс.

– Можно еще вопрос, Майк? – остановил меня Алекс. Я повернулся к нему. – Как он это сказал Марте? Как он велел ей вернуться?

– Вот черт, Алекс, ты бы еще спросил, как появилась Вселенная или что было раньше, курица или яйцо, или... чего хотят женщины. И все равно я бы наговорил тебе в ответ ка-

кой-нибудь ерунды. Но вот о том, что творится у Томми в голове, я не имею ни малейшего представления. Я понимаю только, что все это не просто так. Но не больше... – Я пожал плечами.

Глава 3

Дневник Майка. Запись третья

От следующих слов Томми я замер на месте как вкопанный, как будто меня пригвоздили к земле.

– Я должен остаться с мистером Ти, тетушка, я должен буду его спасти. Элиза хочет его убить, и мне нужно проследить, чтобы этого не случилось.

Я догадывался, кто такая Элиза, и надеялся, что ошибаюсь. От одного звука ее имени у меня по спине поползли мурашки – такого страха я никому не пожелаю. Знаю, это слишком наивно, но все же мне казалось, что, покидая Литл-Тертл, мы расстаемся и со многими ужасами этого мира. Похоже, это было не так. У меня на лбу выступила испарина, и я даже не пытался пошевелиться. На холодном ветру влажные капли превращались в крошечные кинжалы, пронзавшие мою голову, как рассерженные пчелы пронзают нежный нос лакомки-медведя.

Марта цыкнула на Томми.

– Томми, откуда ты знаешь, кому понадобится помощь? И кто такая Элиза? Томми, я твоя тетя, я тебя, пожалуй, всю жизнь знаю. Твоя мама хотела бы, чтобы я присмотрела за тобой.

Было довольно забавно слышать это из ее уст: худенькая,

хрупкая женщина обещала присмотреть за стокилограммовым детиной. Но таким уж был Томми. Стоило взглянуть на него – и практически на уровне инстинктов пробуждалось желание оберегать его и следить, чтобы он всегда был счастлив. Может, потому, что он считался «заторможенным»? Сомневаюсь. Паренек казался совсем беззащитным, но силы его, с другой стороны, были едва ли не безграничными.

Томми вспыхнул, когда Марта вспомнила о прошлом.

– Это было давно, тетушка. Я уже большой.

Не сдержавшись, я хохотнул и постарался это скрыть. Марта смерила меня взглядом. Черт, не хватало только, чтобы на меня ополчилась еще одна женщина! Я быстро заменил усмешку каменным лицом. Что такое каменное лицо? Сложно сказать. Пожалуй, это такое суровое лицо, которое ясно дает понять, что со мной лучше не шутить. Работает не всегда, но все же лучше, чем моя обычная дурацкая улыбка, из-за которой я вечно попадаю в неприятности.

– Не бойся, тетушка, мы поедem на джипе прямо за вами, – добавил Томми.

Я об этом даже не думал, но так, наверное, было разумнее всего: разделяться смысла не было, по крайней мере пока. Меня не покидала надежда все же прорваться на восток и попытаться выяснить судьбу своей семьи, а пока Алекс ехал в том же направлении, я был всеми руками за сохранение группы. Вместе все же безопаснее.

Похоже, слова Томми немного успокоили Марту, но она

все же бросила на меня недобрый взгляд, как будто это я был во всем виноват. Я поступил так, как в подобных обстоятельствах поступил бы любой бедолага: пожал плечами и отошел в сторону. Может, Марта и продолжила бы спорить с Томми, но в этот момент ее дочка заплакала от страха. Томми довольно улыбнулся – думаю, он мысленно ущипнул Веру, чтобы быстрее закончить неудобный разговор. Бросив «хорошо», Марта кинулась к ребенку. Ну, может, и не кинулась, но точно поспешила. Заметив, что я смотрю на него, Томми быстро скрыл свое удовлетворение.

– Я тебя не выдам, парень. Пойдем, – сказал я ему.

Когда он подошел, я положил руку ему на плечо.

После короткого разговора с Полом мы (и, говоря «мы» я имею в виду «он») решили, что им с женой лучше пока поехать на фуре. Ну еще бы! Теплый просторный кузов с куцей спальных мешков – разве от такого можно отказаться? Я, мягко говоря, рассердился, видимо из зависти. Мне тоже хотелось вытянуть ноги и поспать в тепле. Последние ночи были такими холодными, что меня пробирало до костей. Тогда я еще и не подозревал, что холод этот связан не с погодой, а с моим состоянием. Что ж, время, как говорится, прекрасный рассказчик. Перед ним все как на ладони, хотите вы этого или нет.

Глава 4

Дневник Майка. Запись четвертая

Не имея никакого четкого плана и намереваясь лишь как можно дальше уехать от нашего прошлого дома, мы направились на север по 25-му шоссе, а затем свернули на восток, на 70-е. На некоторое время мы оказались в относительной безопасности, ведь к востоку от Денвера начинались равнины Колорадо, а за ними – Канзас. Эта территория не была густо заселена и в лучшие для человечества дни, из чего можно сделать логический вывод (видите, мне все же пригодилось в жизни кое-что из того, чему я научился в школе!), что вероятность наткнуться на большое скопление зомби была довольно низкой. Так, по крайней мере, мы рассуждали.

Мы еле выбрались из Денвера. Вокруг царил настоящий кошмар – прямо как в фильме-катастрофе. Повсюду стояли брошенные легковушки и грузовики, мотоциклы и скутеры, я углядел даже велорикшу. Дорога скорее напоминала самую большую в мире свалку подержанных машин, чем скоростное шоссе, если, конечно, не обращать внимания на похожие на железных жуков гильзы, которыми была усыпана вся обочина, и редких окровавленных зомби, пытавшихся найти себе пропитание. Ах да, еще останки тысяч человек, которые превратились – иначе и не скажешь – в тушенку (уловили

связь? Мясо в жестянке!). Понимаю, сравнение не из лучших, но иначе мне и думать о них противно. Казалось, возле лагеря для толстяков накрыли огромный шведский стол и те снесли ограду: все здесь было разодрано на куски.

Битва была жестокой и недолгой, причем неинфицированные люди явно потерпели поражение – я понял это по огромному количеству машин на обочине. Если бы люди победили, они бы здесь точно надолго не задержались.

Время от времени я обгонял фуру и разведывал дорогу, а порой Алекс ехал первым, чтобы расчистить нам путь. Восемь бесконечных часов мы пробирались по худшей пробке, какую только видело человечество. Когда мы достигли городка Беннет милях в тридцати к востоку от Денвера, я был выжат как лимон.

Трейси не раз вызывалась сесть за руль, но я никак не мог избавиться от подозрения, что она делает это неспроста. Она вполне могла сбить какой-нибудь дорожный знак в качестве мести за то, что я сделал с ее машиной. Скорее всего, это были отголоски моей старой паранойи, но мало ли... Откуда мне знать?

За все восемь часов мы ни разу не заметили ни одной живой души. Зомби? Это другое. Их было немного, но, почуяв нас, все они поворачивались и устремлялись в нашу сторону, как металл стремится к мощному магниту.

Мы остановились в Беннете, чтобы размять ноги, наполнить баки и съесть по паре протеиновых батончиков. Вооб-

ще-то я и думать не мог о еде после того ужаса, который мы увидели несколько миль назад, но желудку было наплевать.

Тревис, Томми и Генри почти все утро проспали. Я очень этому радовался, хотя и не понимал, почему их оберегаю: они ведь и так чего только не нагладелись. Беннет казался на удивление нетронутым: казалось, что огромная волна дерьма, накрывшая весь штат, каким-то образом обогнула этот маленький оазис. По крайней мере, так это *выглядело*. Ощущалось все совершенно иначе.

Алекс выпрыгнул из кабины и потер заочеченевшие руки. Впрочем, скорее всего, он пытался не согреться, а справиться с неприятной, зловещей атмосферой этого места.

– Как-то мне здесь не по себе, Майк, – сказал он.

Мне хотелось согласиться с ним и сказать, что тоже чувствую себя так, будто мы пришли на огромную вечеринку-сюрприз, где все спрятались в ожидании и вот-вот должны были выпрыгнуть нам навстречу. Все было пронизано напряжением – всепоглощающим и жутким. Но даже несмотря на то, что меня обуревали все эти чувства, вопрос у меня был только один:

– Где, черт возьми, ты научился фуры водить?

Алекс ответил мне долгим и пристальным взглядом, в котором ясно читалось сомнение в моей нормальности. Похоже, он уже жалел, что взял меня на буксир.

– Слушай, Алекс, я понимаю, здесь как в могиле. У меня нервы напряжены до предела, я прямо слышу, как булькает

моя спинномозговая жидкость. Мне хочется заправиться и убраться отсюда к чертям. Но я просто спросил.

– Майк, да ты совсем сбрендил. Я едва дышу, так мне тяжело здесь, а ты болтаешь о какой-то чепухе.

– Каюсь, виноват. Но я хотя бы не завел разговор о погоде.

– Завел бы, да времени не хватило!

– Может, и так, – вздохнул я. – И все же, когда мы познакомились, ты понятия не имел, как управлять этой хреновиной.

– Ладно, хоть ты и чокнутый, я все же задержусь в этом проклятом городе-призраке еще на пару минут, чтобы объяснить тебе, что Карл дал мне пару уроков, пока я прилаживал плуг. Я сам попросил его, потому что боялся, что стена однажды упадет, и именно так, как и случилось, – внезапно и без предупреждения. Карла могло не оказаться рядом, и мне не хотелось застрять там с этой здоровенной железякой, которой никто не умеет управлять.

– И что, сложно было сразу ответить? – спросил я, снимая обертку со злакового батончика, а после небольшой паузы сказал уже гораздо серьезнее: – Алекс, куда ты собираешься?

Алекс не был дураком. Он сразу заметил, что я сделал акцент на «ты», противопоставив его «мы». Казалось, он глубоко задумался, решая, как ответить на мой вопрос. Само собой, мы сдружились, но у Алекса, как и у меня, были и другие, более крепкие связи.

– Во Флориду, наверное, – виновато ответил он, как будто

ему нужно было отчитываться передо мной о своих решениях. – Может, там еще остался кто-то из родственников. Ты туда точно не поедешь?

Я медленно покачал головой.

– Ни за какие коврижки. Флорида – штат солнечных ожогов. – Алекс улыбнулся моей дерьмовой шутке, и я возлюбил его пуще прежнего. – Я поеду домой, на северо-восток. Если... – Я с трудом сглотнул. – Если мои родные еще живы, я хочу быть с ними.

Алекс поспешно кивнул.

– Согласен, – тихо сказал он.

– Кроме того, Трейси хочет забрать свою маму.

– Маму? А она где?

– Ну, ей семьдесят девять лет, она вдова и живет одна на старой ферме в Северной Дакоте.

– Майк, дружище, зачем тебе тащиться в такую даль? Мы ведь оба понимаем, что ты там найдешь.

– Да, но ты попробуй объясни это Трейси. Сумеешь – с меня пятьдесят баксов и целый ящик вяленой говядины.

– Ага, ты только напиши мне, как там погода, – бросил Алекс и подошел к колонкам, надеясь отыскать там какой-нибудь выключатель или шланг, чтобы выкачать бензин из подземных резервуаров.

– Очень смешно! – крикнул я.

Пока я доедал протеиновый батончик, дверца кузова фуры открылась, и я чуть не подавился, увидев, кто оттуда вы-

ходит.

– И долго нам торчать в этой дыре? – прогремел голос одного из самых здоровенных мужчин, которых я видел в жизни (с ним мог сравниться разве что тот чокнутый мерзавец Дурган, которого уже сожрали зомби). Этого звали Майли, или Большой Малютка, или просто Би-Эм. Мы выбрали его во время вылазки за продуктами в местный «Сейфуэй»⁷, и с тех пор он не прекращал меня раздражать. Сейчас он смотрел прямо на меня.

– Может, ответишь уже? – угрожающе продолжил он.

Я поступил единственным разумным способом – развернулся и пошел прочь.

– Я с тобой говорю, Тальбот! – проревел он.

– Ага, я понял, – через плечо бросил я. – Мне просто слушать не хочется.

Похоже, мой ответ ему не понравился, потому что в следующую секунду я услышал – а точнее, почувствовал, – как содрогнулась земля, когда он спрыгнул из кузова. На меня как будто понесся поезд. До столкновения оставалось секунд десять. Но, к счастью, меня спасли... вроде как.

– Пап! – крикнул Тревис, и это явно не было предупреждением о приближении Би-Эм. Тревис стоял справа от меня, за колонками, и оттуда просто не мог видеть маленькую драму, разворачивавшуюся между нами.

Направившись к сыну, я понял, что его так взволновало.

⁷ «Сейфуэй» (англ. *Safeway*) – американская сеть супермаркетов. – Прим. ред.

Би-Эм тоже поспешил к нам – то ли чтобы перерезать мне путь, то ли просто из любопытства. Я подскочил к Тревису на пару секунд раньше Би-Эм. Тот окинул меня взглядом, а затем посмотрел, куда указывает Тревис. Ярдах в двухстах от нас был человек, он очертя голову бежал в нашу сторону.

– Думаешь, выживший? – спросил Би-Эм.

Его голос дрожал от страха. Что ж, приятно было знать, что этот парень хоть чего-то боится. Не сбавляя темпа, человек сократил расстояние до ста пятидесяти ярдов. Как ни странно, он не махал руками и никак не пытался привлечь наше внимание. Мне было не по себе, и все, похоже, разделяли это чувство: что-то здесь было не так, но вот что именно, понять я был не в состоянии.

– Смотри-ка, грязный какой, – приглушенно сказал Би-Эм.

Я кивнул. И все же этого было недостаточно, чтобы убедить меня в странности поведения незнакомца. В конце концов, когда идет борьба за выживание, о стирке быстро забываешь.

– Тальбот, это ведь не зомби? – продолжил здоровяк. – Слишком уж быстро он бежит.

До человека оставалось ярдов сто, и он смотрел прямо на нас, но до сих пор не махал и ничем не выражал своих добрых намерений – на его бледном лице застыла упрямая решимость. Я наконец понял, что делать.

– Би-Эм, скажи всем возвращаться на места и готовить-

ся к отъезду. — Ублюдок даже не пошевелился, так что я со всей силы наступил ему на ногу и чуть не получил при этом кулаком в лицо. — Би-Эм! — проорал я. — Пусть все садятся по машинам!

Похоже, он до сих пор раздумывал, не врезать ли мне.

— ЖИВО, ИДИОТ! — использовал я свой лучший командный голос.

Би-Эм вздрогнул. Скорее всего, позже мне за это придется поплатиться, но иного выхода я не видел. То и дело оглядываясь, здоровяк бросился к фуру. Почти все были на улице — отдыхали, курили, дышали воздухом, подкреплялись и даже справляли нужду в кустах по соседству. Но в постапокалиптическом мире, когда здоровенный черный мужик что есть мочи орет, что надо хватать ноги в руки и лезть обратно в фуру, его обычно слушают.

До человека оставалось двадцать пять футов... Я хотел удостовериться на сто процентов, но у меня все еще были сомнения. Он не был похож на зомби, но и на человека тоже не походил.

— Пора, пап? — с тревогой в голосе спросил Тревис.

— Вот черт! — Я сомневался.

Я даже не мог осмыслить этот факт. До парня было рукой подать — я, конечно, утрирую, но суть вы поняли, — и тут Тревис решил действовать. «Моссберг» торжественно грохнул. Пуля двенадцатого калибра поразила бегуна прямо в грудь. Эффект был сокрушителен: я словно в замедленной

съемке наблюдал, как его грудная клетка раскрылась и наружу хлынула кровь, после чего он повалился на спину – удара летящего на скорости 450 метров в секунду заряда оказалось достаточно, чтобы сбить его с ног. Я надеялся, что при осмотре тела мы заметим верные признаки полной потери человечности, ведь иначе нам с Тревисом пришлось бы несладко.

Едва рассеялся дым из ствола дробовика, как мы получили ответ: наш спринтер (иначе его было и не назвать) начал подниматься, даже не застонав и не попытавшись задать вполне логичный вопрос – «Чувак, ты зачем меня подстрелил?». Тут и не будучи семи пядей во лбу можно было догадаться, что правила нашей смертельной игры только что существенно изменились, вот только нас с этими изменениями не ознакомили.

Тревис взглянул на меня. Его лицо было искажено ужасом. Я понимал его страх, ведь спринтер казался совершенно нормальным. Да, одежда у него была грязновата, но мы ведь не стреляем в людей просто потому, что они дерьмово одеты. Будь это так, мы бы давным-давно истребили бомжей и любителей высокой моды. Лицо его было бледно, но бледность эта была скорее болезненной, чем смертной. Черт, да даже Джастин, еще слабый после царапины зомби, был бледнее его!

Пока я думал, противник сумел сесть. Не обращая внимания на здоровенную дыру в груди, он тщетно пытался под-

няться на ноги. Мозг на многое способен, но у него есть пределы: позвоночник этого несчастного был раздроблен частей на пять, не меньше. Как ни старайся, встать он был просто не в состоянии. Мы с Тревисом с ужасом наблюдали, как наш таинственный незнакомец перекатился на живот и пополз к нам по-пластунски. Еще несколько секунд нерешительности – и спринтер достиг бы своего конечного пункта, после чего вкусил нашей сочной плоти.

Я положил руку на плечо сыну, и тот вздрогнул.

– Ступай в машину, – велел я.

Уговаривать его не пришлось. Не успел Тревис и за угол завернуть, как я, прицелившись, выстрелил спринтеру в голову. Он дернулся влево и плашмя упал на землю, теперь лишь отдаленно напоминая человека. Я пошел обратно к фуре, изо всех сил стараясь сдержать желчь, которая рвалась наружу из желудка. Ожидая, что на улице никого не будет, я удивился, увидев Алекса, который стоял возле задней двери кузова и смотрел по сторонам.

– Мужик, ты что творишь? – спросил я чуть более резко, чем собирался, видимо, еще не до конца оправившись от встречи с причудливой помесью зомби и человека.

– Четверых не хватает, – мрачно ответил он.

Он даже не видел, что произошло, а уехать хотел больше моего. Я бросил вожделенный взгляд на джип и «Эксплорер», в котором Тревиса как раз обнимала мама. Пол и Брендон укрепляли поклажу на крыше «форда», а Эрин достава-

ла воду для Джастина, который курил в стороне, держа сигарету дрожащими пальцами. Томми я сначала не заметил, но потом увидел на заднем сиденье джипа. Даже издалека я понял, что ему не терпится тронуться с места. Впрочем, он ничего не говорил. Слова были излишни.

– Черт, – ответил я, поворачиваясь обратно к Алексу. – Кого нет?

Глава 5

Когда Эйприл и Кэш вошли в заброшенный дом, им в ноздри ударил запах пыли и «Олд Спайса». Тишину нарушали лишь скрип несмазанных петель да шумное дыхание Кэша. Он страдал от астмы, и стрессовые ситуации вроде той, в которой он находился последнее время, только усугубляли проблему.

– Пойдем, Эйприл, пора возвращаться к фуре, – сказал Кэш, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не звучало отчаяния.

– Куда спешишь, Кэш? Не терпится снова оказаться рядом с Би-Эм? – насмешливо бросила Эйприл.

Щеки Кэша вспыхнули от стыда. Он никак не мог понять, почему в фуре он чувствовал себя в относительной безопасности. Только взглянув на пышную брюнетку, которая была на два года его старше, он сумел придумать достойный ответ.

– Предательский член, – буркнул он.

– Что ты сказал? – переспросила Эйприл, заходя на разоренную кухню.

В свои двадцать один Эйприл прекрасно понимала, что умеет производить впечатление на мужчин и обычно может добиться желаемого, просто пару раз взмахнув ресницами или фирменно надув губки. Как правило, она выбирала парней, которые могли помочь ей с повышением уровня жизни.

Кэш, однако, был гол как сокол, ужасно прыщав и к тому же чихал без меры. В общем, он был тем человеком, с которым Эйприл не стала бы встречаться, даже если бы на земле больше не осталось мужчин. Но так как ситуация стремительно ухудшалась, она решила пересмотреть свою стратегию, ведь и у нее, в конце концов, были физические потребности.

Когда дверца душевого кузова наконец отворилась, Эйприл сказала всем спутникам, что хочет размять ноги. Сказав всего одно слово – «Пойдем!», – она увлекла за собой Кэша. Ее внешность давала ей силу, и ей нравилось этим пользоваться.

Эйприл исследовала кухню в поисках какой-нибудь еды, не стесняясь шуметь на полную. Хлопали дверцы шкафчиков, разбивались бутылки – и при каждом звуке сердце Кэша пропускало удар.

– Эйприл... может, лучше потише? – с опаской спросил Кэш, не зная, чего боится больше – появления зомби или гнева своей дамы. В конце концов, мертвецов пока не было видно, а он чувствовал, что ему вот-вот *обломится*.

– Боже! Здесь одни хлопья да попкорн! – воскликнула Эйприл. – Найди мне что-нибудь съедобное!

Кэш с воодушевлением посмотрел на дверь, а затем повернулся и пошел на кухню. Семейство бешеных енотов и за неделю бы не сумело учинить такие разрушения, которые Эйприл создала за пять минут. Кэш ошарашенно осмотрелся. Поймав его недоуменный взгляд, Эйприл ответила подчеркнуто

вульгарно. Она была настолько уверена в своей красоте, что не сомневалась – стиль ее поведения никого не волнует.

– Что смотришь? Тем, кто здесь жил, все равно насрать.

Рассмеявшись, она разбила о стену банку из-под маринovaných корнишонов (кухню заполнил кислый запах уксуса) и визгливо рассмеялась. Кэш окаменел. Кэш был околдован. Кэш встал по стойке «смирно»... или по стойке «смирно» встала только одна его часть.

Эйприл взглянула на него.

– Возьми меня! – распаленно сказала она. От удивления Кэш открыл рот. Эйприл расхохоталась, увидев его реакцию. – Ты что, девственник? Или что?

Кэш покраснел.

– О боже! Так и есть!

Она снова засмеялась. Щеки Кэша пылали от возбуждения. Он уныло повернулся к двери.

– Ну так давай это исправим, шалун! – страстно продолжила Эйприл.

Кэш не был гением, но, чтобы разгадать эту загадку, большого ума и не требовалось. Он завозился с ремнем, чувствуя, как пальцы вдруг лишились прежней ловкости. Едва успев расстегнуть пряжку, он услышал раздавшийся в отдалении выстрел.

– Нам... нам... нам пора, – поспешно пробормотал он.

– Нам, нам, нам – ты что, заикаешься? – не отводя глаз, передразнила его Эйприл.

– Но выстрел...

– Может, кто-то просто стреляет по бутылкам, – отмахнулась она.

Но Кэша было не провести. Стрелять по бутылкам означало расходовать и без того скудные боеприпасы, к тому же привлекая всеобщее внимание. Напрягая слух, Кэш попытался различить какие-то признаки беспокойства.

– Мне уже ску-у-у-у-чно-о-о-о... – протянула Эйприл, усаживаясь на стол.

Ее юбка задралась, и Кэш увидел, что трусиков на ней не было. Кровь отлила от мозга и хлынула в промежность, а с ней пропали и все остатки логики. Кэш расстегнул ширинку и быстрым движением стянул с себя штаны вместе с трусами. Именно в этот момент он понял свою ошибку. Он стоял в десяти футах от объекта своей страсти, поэтому ему пришлось семенить к Эйприл маленькими шажками, а сексуальной эту походку было никак не назвать. На полпути Кэш услышал одинокий выстрел из «AR-15». Было слишком поздно. У Кэша на уме было только одно, а до его трофея оставалось рукой подать. Он неуклюже доковылял до стола и поразил цель подобно самонаводящейся ракете.

– О боже!!! – воскликнула Эйприл.

Кэш невероятно возгордился собой, сумев вызвать такую реакцию у столь прекрасной девушки.

– Отвали! – крикнула она. Его отвергли. Его пристыдили. Его обидели. – Отвали на хрен!

Она толкнула его ногой в грудь, и он налетел спиной на что-то, а точнее, на кого-то. Развернувшись, он рассыпался в извинениях, одновременно натягивая штаны.

– Сэр, прошу прощения, мне очень, очень жаль, – бормотал он. – Мы... мы думали, что здесь никого нет. Мы не хотели причинить вреда, мы просто искали еду. – Поверить в это мог разве что слепой. – Мы все приберем... верно, Эйприл?

Кэш посмотрел на Эйприл. Она слезла со стола и медленно отступала к задней двери.

– Эйприл... подожди.

Но Эйприл не собиралась там оставаться.

Она не сводила глаз с лица их хозяина и явно была в ужасе. Наконец-то сумев кое-как натянуть штаны, Кэш тоже взглянул на него и тотчас осознал два страшных факта. Во-первых, так невыносимо, что даже резкий запах уксуса не мог перебить этот смрад. На знакомый всем запах смерти он не походил, но был очень похож на него. Лицо фермера выглядело вполне здоровым – казалось, пара дней на солнце вполне могла избавить его от бледности. Однако солнце не в состоянии было хоть как-то повлиять на черные сферы, которые были у него вместо глаз: казалось, даже взгляд акулы таил в себе больше человечности.

Эйприл допятилась до двери и взялась за ручку, не прерывая зрительного контакта с противником.

Все случилось мгновенно. В заднюю дверь ворвался холодный ветер, Эйприл выскочила наружу и со всех ног по-

неслась вниз по ступенькам. От ее крика хозяин дома, похоже, разозлился. Протянув руку, он схватил Кэша за куртку. Ни секунды не сомневаясь, Кэш освободился от нее и бросился к двери, за которой только что исчезла Эйприл.

Как только Кэш сбежал по лестнице и сделал пару шагов в сторону от дома, подкатил приступ астмы. «Спокойно, Кэш, – подумал он. – Просто дыши. Ты сбежал, он тебя не поймает. Дыши». Не успел он успокоиться, как на крыльце появился зомби. «Ого, а он быстрый, – подумал Кэш. – Но я ведь сам задержался, пытаюсь перевести дух». Перемахнув через три ступеньки, зомби прыгнул на землю и остановился, пристально глядя на Кэша. До него было не больше двадцати футов.

– О нет! – взвизгнул Кэш.

Глава 6

Дневник Майка. Запись пятая

Не услышать криков девчонки было невозможно. Ее визг прорезал воздух, как вой целого хора гарпий.

– Видимо, это одна из тех, кого мы ждем? – спросил я Алекса.

Тот взволнованно кивнул.

– Да, Эйприл ушла с тем прыщавым пареньком. Как там его звать? Мэш? Нэш? Кэш? Точно, Кэш.

– Вряд ли это сейчас важно, дружище, – сказал я, пытаюсь разглядеть, что так напугало девчонку.

До Эйприл было ярдов двадцать пять, не меньше, но никаких признаков опасности я не видел. Может, у нас на глазах разыгрывалась просто какая-то подростковая драма? Такая вероятность, конечно, была, но я не видел столь хорошей актерской игры с того самого раза, когда застукал свою дочь, пытавшуюся улизнуть из дома, а она списывала это на лунатизм. Если бы я не следил за ней и не слышал пары отрывков ее телефонного разговора, я бы даже усомнился в собственной правоте. Ну... вряд ли, конечно. Я, может, и парень, но не *настолько* туп. В общем, Николь в любом случае можно было вручать «Оскара».

Не замолкая ни на секунду, Эйприл добежала до фуры и

залезла в кузов.

– Одна здесь, осталось трое, Алекс, – сказал я. – Видимо, нужно сходить посмотреть, что там стряслось.

– Зачем? – удивился он. – Майк, у тебя ведь семья.

– Знаю, – серьезно ответил я. – Но, кажется, так будет правильно.

К этому моменту возле фуры уже собралась небольшая толпа. Все взгляды были обращены туда, откуда только что появилась Эйприл.

– Я с тобой, Тальбот, – сказал Би-Эм, и его густой бас вывел меня из задумчивости.

Казалось бы, мелочь – а от нашей былой неприязни сразу не осталось и следа. Впрочем, мелочью его предложение назвать язык не поворачивался, ведь он готов был рискнуть собственной жизнью.

– Спасибо, Би-Эм. Я очень ценю твой порыв, но, сдается мне, наш второй герой-любовник не заставит себя ждать... Смотри, – указал я на приближающуюся фигуру.

Кэш на полной скорости вылетел из-за угла. Даже издали я разглядел, что штаны у него держались на честном слове. Одной рукой он придерживал их за пояс, а другой делал странный жест, который был понятен лишь посвященным: снова и снова подносил ко рту ингалятор, впрыскивая лекарство.

Я повернулся к Алексу и Би-Эм.

– Похоже, просто свидание прошло не очень, – с облегче-

нием выдохнул я.

Не поймите меня неправильно, я понимал всю тяжесть потенциального правонарушения и готовился всыпать Кэшу по первое число, но ведь могло быть и хуже.

– Сомневаюсь, Майк, – тревожно ответил Би-Эм, указывая на что-то рукой.

Мне до чертиков не хотелось смотреть, что там, но делать было нечего. Повернувшись, я похолодел: футах в десяти от Кэша был один из этих новых зомби, быстрый и голодный. Парню оставалось пробежать еще футов двести. Своим телом он закрывал от меня противника. Поддерживая штаны и не выпуская из руки ингалятора, Кэш сдавал позиции быстрее, чем французы во время Второй мировой.

Я сорвался с места и побежал быстрее ветра, но все было предрешено заранее. На бегу я махал руками, приказывая парню пригнуться, чтобы я мог выстрелить в его преследователя, но в панике он не понимал моих жестов. Когда штаны Кэша все же сползли ему на щиколотки и он упал, запутавшись в них, зомби тотчас бросился на него. Раздался жуткий крик – все было кончено.

Зомби отхватил первый кусок плоти, у него во рту осталось окровавленное мужское достоинство Кэша. Тот душевраздирающе взвыл. Все мужчины, ставшие свидетелями этой сцены, зажмурились от ужаса и неосознанно схватились за промежность, чтобы убедиться, что там все в порядке.

Первой пулей я хотел прикончить Кэша, положив тем са-

мым конец его страданиям, но только пять выстрелов спустя сумел дрожащими руками прицелиться в голову зомби и убить его. После этого я подбежал к несчастному парню, толком не понимая, чем могу ему помочь. Его вопли теперь сменились сдавленными хрипами. Кровь хлестала из ран. Я опустился на колени возле его головы. Смотреть на чудовищные повреждения было выше моих сил. Кэш схватил меня за руку и умоляюще посмотрел блестящими, полными боли глазами.

– Не дайте мне умереть, – выдавил он.

Мне хотелось ответить ему, уверить, что все будет хорошо, но я был не столь хорошим актером, как моя дочь. Голос бы выдал меня, а тело и вовсе сказало бы все без слов.

Я едва расслышал хлопки выстрелов, но резкий свист пуль, пролетевших в опасной близости от моей головы, сразу привлек мое внимание. Оглянувшись, я увидел Би-Эм, который стрелял из здорового орудия, издав далеко похожего на гранатомет. Может, наш спор еще и не был закончен, но это было чересчур даже для него. Затем я перевел взгляд ему за спину и увидел Алекса, который отчаянно размахивал руками. Все неразборчиво выкрикивали отдельные слова, указывая на меня, но я смог разобрать лишь одно: «Беги!» И оглянулся.

Прежде чем сердце застучало с силой отбойного молотка, я на миллисекунду подумал, что оно и вовсе остановится от ужаса. Ко мне со всех ног бежали двадцать, а то и тридцать

зомби. Еще пара мгновений – и меня бы постигла участь Кэша; оставалось только надеяться, что меня бы убили менее жутким способом. Я схватил парня за плечо, собираясь взвалить его себе на спину, но понял, что в этом нет смысла, заметив, как затуманился его взгляд.

– Беги, идиот хренов! – орал Би-Эм, перекрикивая грохот выстрелов.

Футах в десяти от меня упал зомби. Мое поспешное отступление прикрывали сразу несколько стрелков. Сделав три здоровенных шага, я разогнался на полную, но зомби все равно не отставали.

Мне повезло без происшествий добраться до линии огня, после чего стрелки быстро уложили всех зомби, что оставались на ногах.

– Чуть не обделался! – воскликнул я, остановившись и осматривая место происшествия. – Спасибо, Би-Эм. Я у тебя в долгу.

– Что происходит, Тальбот? – спросил здоровяк. Кажется, он был потрясен не меньше моего, а ведь это я побывал на волосок от гибели.

– Не сейчас, Би-Эм! – отмахнулся я. В нашу сторону двигалась многочисленная группа спринтеров, и мне совсем не хотелось новой встречи. – Валим!

– Майк, мы с ними справимся, – сказал Брендон. – Двое наших еще не вернулись. Нужно их дожидаться.

Я понимал его геройский порыв, еще как понимал. Но они

уже пропали, уже погибли – или вот-вот должны были погибнуть.

– А смысл, Брендон? Мы рискуем собой и своими близкими и понапрасну тратим патроны. Нет ничего благородного в том, чтобы лишиться жизни в пустом стремлении проявить смелость. Их больше нет.

Мне и самому до ужаса хотелось выжечь эту чуму дотла, но это было сродни попытке потушить пожар водяным pistolетом.

– Майк, а если бы это были твои дети? – беззастенчиво спросил Брендон.

– Даже не заикайся, Брендон! – вскричал я. Он попятился. Он был крупнее, но у меня дури больше, а злобные крепыши, если вы не знали, всегда побеждают в драках. – Я сделал все возможное, чтобы защитить всех, кто рядом со мной! Если ты, мать твою, решил помереть, иди сам их ищи. Я подожду, но только до того момента, пока не сочту, что нужно скорее уносить ноги.

Плечи Брендона поникли, когда он посмотрел на Николь, наблюдавшую за нашим спором со стороны. Ее лицо исказилось от шока. Внутри Брендона шла тяжелая борьба: с одной стороны, он всеми силами хотел защитить Николь, а с другой – стремился помочь нуждающимся.

– Что, не так-то просто выбрать, да? – поддел его я.

– Иди в жопу, Майк, – раздраженно отмахнулся он.

Я объехал фуру Алекса на джипе, Брендон последовал за

мной. В зеркало заднего вида я заметил, как несколько самых быстрых зомби, похожих на старшеклассников, со всего размаху врезались в кузов.

Мне вовсе не хотелось выяснять, сколько таких столкновений выдержит мой джип, поэтому я нажал на газ, впрыснув в двигатель побольше качественного бензина, и с удовольствием почувствовал, как машина рванула вперед. Этот круг ада стремительно отдалялся от меня. Алекс тоже наконец-то разогнал фуру до скорости, на которой ее не могла догнать даже олимпийская сборная по бегу, после чего я обернулся, чтобы рассмотреть всю сцену, обрывки которой мелькали у меня в зеркале. Не стоило этого делать. Половина населения городка Беннет, штат Колорадо, преследовала наш маленький караван. Спринтеры обгоняли своих медленных собратьев, мертвецов. Похоже, это были принципиально разные виды зомби.

– Мистер Ти, нам туда, пожалуй, лучше не возвращаться, – сказал Томми. – С Кэшем все будет в порядке?

Я понятия не имел, с какой стороны подойти к ответу на этот вопрос. Кэш был мертв. Он истек кровью, когда у него жестоко оторвали гениталии. Превратится ли он в зомби? Вряд ли. Когда я в последний раз видел Кэша, небольшая свора живых мертвецов как раз расправлялась с его останками. Сможет ли он войти в рай? Если бы я верил в рай, я бы ответил утвердительно, но, если уж на то пошло, что за бог позволил случиться всему тому, что творится сейчас на

земле? Ах да, я тот еще еретик! Бог ведь не может напрямую вмешиваться в дела людей. С чего вдруг всемогущей сущности, которая правит ВСЕМ миром, протягивать нам руку помощи? Бог ведь помогает тем, кто сам помогает себе. Ну ладно, хватит сетовать на бога. Я почему-то полагал, что, выбравшись из Денвера, мы оставим все худшее позади. Вот глупец! Веселье только начиналось.

Глава 7

Джастин спал на заднем сиденье «Экплорера» и практически не ощущал резких толчков, пока Брендон уворачивался от спринтеров, которые выбежали с заправки на окраине городка. Его темные сны прерывались лишь непрерывным жужжанием, которое пронизывало охваченный жаром разум.

Бригада зомби штурмовала последний оплот человечества. Повалив убогие человеческие баррикады, мертвецы установили на завоеванной территории флаг – древко из неестественно длинной бедренной кости и полотнище, подозрительно похожее на громадный потрепанный лоскут человеческой кожи. Джастин улыбнулся во сне, в глубине души обрадовавшись окончательной победе зомби.

Джастин...

Джастин, вздрогнув, проснулся при звуке своего имени.

– Что? – хрипло произнес он.

Николь повернулась к нему. Ее лицо было блее мела.

– А? – отозвалась она.

– Что ты хотела? – раздраженно спросил Джастин. – Я спал.

– Никто ничего не говорил, – ответил Брендон, прежде чем его невеста вступила в очередную перепалку с его другом.

Он довольно давно их знал и понимал, что им достаточно и косога взгляда, чтобы сцепиться, а сейчас он просто не мог этого допустить. Все его мысли занимали эти новые быстрые зомби – для прочего бреда места в голове просто не хватало.

Томми обернулся и сквозь заднее стекло несущегося по дороге джипа посмотрел на «форд» Брендона, который двигался следом.

– О нет, – печально пробормотал он.

Когда он снова повернул голову, у него задрожали руки, но остальные его спутники не обратили на это внимания. Они еще не оправились от испытанного в Беннете ужаса и всячески пытались усвоить новую информацию.

– Ясно, – буркнул Джастин и снова лег на сиденье.

Джастин.

И снова его позвали по имени. Хотя на этот раз голос был громче, Джастин решил не открывать глаза. Легкий ветерок трепал ему волосы, солнце, огромное, как спелая канталупа, сияло высоко в небесах. Джастин медленно ходил по кругу среди золотистых колосьев пшеницы высотой по грудь и видел, как она колышется в потоках воздуха. Как ни странно, колосья склонялись в сторону, противоположную направлению ветерка. Даже тень Джастина простиралась в том же направлении, в котором ложилась пшеница, хотя солнце было в зените.

В глубине души он понимал, что оставаться здесь опасно, но уйти было еще страшнее. Он видел, как кто-то прибли-

жается к нему, выступая из марева. Силуэт поблескивал на солнце, подобно миражу. Джастин наблюдал за приближением незнакомца – нет, *незнакомки*, – а ветер дул ему в спину, словно пытаясь замедлить ее шаги. Пшеница сильнее выгнулась назад, тщетно пытаясь уйти с дороги; если бы у колосьев были ноги, они сбежали бы, не задумываясь, и это привело бы к самой большой гибели урожая со времен Пыльного котла⁸. У Джастина ноги как раз были, а его тень показывала направление, в котором стоит бежать, но его разум никак не мог включить передачу, хотя двигатель ревел вовсю.

Джастин посмотрел на ноги, не понимая, почему они не слушаются. Когда он снова поднял голову, смерть оказалась всего в паре дюймов от его лица. Но страх тут же сменился потрясающим чувством любви и преданности. Девушка – нет, женщина, – которая стояла перед ним, была воплощением красоты, изящества, черной, бесконечной жестокости и величия.

«*Погоди-ка, что это...*» – подумал Джастин. Но стоило сомнению зародиться у него в голове, как оно тотчас рассеялось при виде великолепия Элизы. «*Элиза! Элиза!*» – восторженно восклицал его разум.

– Куда ты, любовь моя? – спросила Элиза, не раскрывая рта, и мягкой, нежной ладонью прикоснулась к щеке Джа-

⁸ Пыльный котел (англ. *Dust Bowl*) – серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады между 1930 и 1936 годами. – *Прим. ред.*

стина.

– Как ты разговариваешь у меня в голове? – удивился Джастин.

Раздался громкий хруст, щеку пронзило болью. Элиза двигалась так быстро, что Джастин даже не успел заметить, как она занесла руку для удара. Его сердце на мгновение сжалось, когда он увидел ее истинное обличье. Мягкие, гладкие щеки ввалились и побледнели, небесно-голубые глаза обернулись двумя черными колодцами, заполненными смертью и разрушением. Ее ласковая рука, которая еще секунду назад гладила его по щеке, превратились в скрюченную, когтистую лапу. Но в следующее мгновение она снова заблестала холодной, неземной красотой. Джастин не мог уследить за превращениями. Его разум не понимал, что происходит прямо перед ним.

– Джастин, я задала тебе вопрос, – улыбнулась Элиза.

Джастин заметил, что улыбка далась ей нелегко – казалось, кобре и той было легче улыбнуться.

Он боялся... и не без причины.

– Не знаю, – выдавил он.

Не прекращая улыбаться, она ударила снова. Щеку Джастина обожгло.

– По-моему, ты лжешь мне, Джастин. Но мы еще вернемся к этому разговору.

Джастин поежился. Элиза глянула куда-то через правое плечо – и пропала.

– Джастин! Джастин! Проснись! – Томми слишком сильно встряхнул его, так что голова стукнулась о стекло.

– Какого хр... А, это ты, Томми. Что происходит? Мы остановились?

– Джастин, что с твоим лицом? – спросил Томми.

Джастин сел и рассмотрел правую щеку в зеркале заднего вида. На коже отчетливо проступили красные полосы, по форме и размеру напоминающие отпечатки пальцев тонкой женской руки.

– Хрен его знает, – ответил Джастин, прикрывая щеку рукой. Никогда в жизни он так не пугался кошмаров.

– По-моему, ты лжешь мне, Джастин, – разочарованно произнес Томми, печально посмотрев на друга, после чего вышел из машины и побрел обратно к джипу.

– Я ведь это уже слышал, – пробормотал Джастин, плотнее заворачиваясь в одеяло.

Глава 8

Дневник Майка. Запись шестая

Мы отъехали на пятьдесят миль от Беннета. Мой мочевого пузырь едва не взрывался, и я искал повод, чтобы съехать с дороги и облегчиться. Поэтому, когда Томми сказал, что ему нужно поговорить с Джастином, я не стал возражать. Я принялся мигать фарами, чтобы Алекс заметил меня, и он вскоре ответил кратким гудком. Фура остановилась прямо посреди дороги. И правда, съезжать на обочину смысла не было. К востоку от Денвера было хорошо: ландшафт напоминал канзасские прерии – равнина и ничего примечательного. Зомби можно было заметить издали, если, конечно, они не прятались в сугробах и редких кустах.

«Ну вот, – подумал я, – теперь и пописать в свое удовольствие не удастся. Буду смотреть по сторонам и, в конце концов, обделаюсь». В текущем списке причин для беспокойства эта стояла на тридцать третьем месте, но кому какое дело? «Похоже, мне дело есть», – сам себе ответил я.

Алекс встревоженно осмотрелся и выпрыгнул из кабины.

– Что случилось, Майк?

– Дружище, мне просто приспичило отлить! – крикнул я в ответ, решив не упоминать, что я также был не прочь хорошенько пернуть.

В свете событий последних нескольких недель отходить далеко от машин, где я чувствовал себя в относительной безопасности, мне не хотелось, но в то же время я был настроен соблюдать границы приличия. А еще мне не хотелось, чтобы всех обдало струей моих газов. За двадцать лет брака я ни разу (сознательно) не выпустил газы в присутствии Трейси. Само собой, во мне всякое случалось. Я даже просыпался порой от особенно громкого пердежа. Не знаю, впрочем, просыпалась ли Трейси, ведь она никогда не подавала виду.

В итоге я выбрал золотую середину и скрылся за невысокой оградой загона для скота футах в десяти от края дороги. Судя по тому, что газы едва не прожигали мне штаны, вонь намечалась знатная. Оставалось только надеяться, что в мерзлом воздухе не останется конденсационного следа. Я был благодарен всем богам, которые еще бродили по этой земле, что позывы шли не из другого места, ведь иначе мне было бы не спрятаться. Так я хотя бы мог прикрыться собственным телом.

– Просто прекрасно, – раздалось из кузова, когда открылась дверца. – Я бог знает сколько торчала в этом грузовике и вот, наконец, вышла – и что я вижу?

– О нет...

Это не укладывалось у меня в голове. Цивилизация, а возможно, и все человечество висели на волоске – и что за *сброд* выживал при этом?

Би-Эм и племянник Тэд (менеджер «Сейфуэя») помогли

миссис Дено спуститься. Я чуть не выпустил из рук свое достоинство, которое тщетно пыталось вжаться в тело, чтобы защититься от взгляда мерзкой стервы, которая теперь прогуливалась по засыпанной снегом дороге. Закончив, я застегнул ширинку и чуть не отхватил себе то, что лет сорок назад аккуратно обрезал священник.

«Так, хватит с меня сюрпризов», – подумал я, возвращаясь к фуре, чтобы проверить, кто еще собирается выпрыгнуть наружу, как кролик из шляпы фокусника. Главным образом, мне хотелось выяснить, сколько нас всего, а заодно и узнать, сколько там еще ворчунов.

Я всмотрелся в полумрак кузова, надеясь, что Джед сумел попасть на борт. Но его не было – если только он не прятался за Эйприл, которая была на грани кататонии. Впрочем, в этой новой реальности я скорее ожидал увидеть Фритци (убитого мной насильника зомби в костюме кошки), чем моего союзника Джеда. В дальнем углу кузова, рядом с Эйприл, сидела Джоанн, которая когда-то встречала всех гостей Литл-Тертл, а к ней жались несколько детей – вроде бы трое, но я не был в этом уверен. Я даже не знал, ее ли это дети, хотя и неважно – все они существовали в каком-то симбиозе и так вжимались друг в друга, так тесно жались, что, казалось, без ацетона их и не разделишь. Сравнение так себе, я понимаю, но мысль о суперклее напрашивалась сама собой. В любом случае помощи от них ждать не приходилось. Рядом с ними сидел Игорь, русский привратник. Он спал, привалившись к

левому борту фуры и крепко сжимая в руке бутылку водки. Я был рад его видеть. Он был староват и немного полноват, но в битве я мог на него положиться. Если, конечно, он успеет проснуться. Но тут мои глаза округлились.

– Привет, сосед! Рад меня видеть? – спросила Джен.

«Вот черт, да вы издеваетесь!»

Помимо Алекса и его выздоравливающей жены у нас было пятеро ребятшек, хрупкая женщина, которая обнимала двоих детей, не входящих в группу Джоанн, одна суперстерва, племянник суперстервы, которому, похоже, было приятнее считать зомби, чем их убивать, Джоанн и Эйприл, нуждающаяся во внутривенном вливании «Ксанакса»⁹, чернокожий здоровяк, который явно горел желанием переломить меня пополам, пьяный русский, и... моя соседка-лесбиянка Джен. Не поймите меня неправильно, не то чтобы я не любил лесбиянок – черт, да я бы и *сам* не оказался таковой стать! – но Джен уже успела убедить меня, что жизнь ей не мила, и доказала свою полную бесполезность в битве, спрятавшись в фуру в тот день, когда мы наведались в арсенал Национальной гвардии.

Пол спрыгнул на дорогу и положил руку мне на плечо.

– Спасибо, дружище, – сказал он.

– Да без проблем, – ответил я, не отводя взгляда от Джен.

– Ну что, поможешь даме спуститься или так и будешь

⁹ «Ксанакс» – лекарственный препарат, применяющийся при лечении панических расстройств, тревожных неврозов, снятия беспокойства. – *Прим. ред.*

пляться? – спросила она, протянув руку.

– Что *ты* здесь делаешь? – удивился я.

Слова сами сорвались с губ. Я ни на секунду не сомневался, что спрашивать об этом не стоило, но я просто сгорал от любопытства.

Джен отдернула руку, как будто ее укусили.

– Слушай, Майк, я знаю, ты меня недолюбливаешь... – начала она.

«Джен, знала бы ты, *как* я тебя недолюбливаю, – забилась бы в угол вместе с остальными». Мне хотелось произнести это вслух, мои темные демоны молили об этом, моя незрелая сторона умирала в мечтах, чтобы эти слова сорвались с моих губ, но мое социальное сознание, высший общественный разум, эта тупая другая сторона, считала иначе, заставляя меня держать рот на замке.

– Майк, я хочу отомстить, – продолжила Джен.

– Джен, мы уже это обсуждали.

У нее на глазах выступили слезы – чертовы женщины, они всегда знают, как на меня повлиять. Может, стоило быть более закрытым? Стоит только перестать быть рубахой-парнем – и ты уже не так уязвим. Я поджал губы и покачал головой. Похоже, она сочла это намеком на то, что можно продолжать рассказ.

– В тот день, когда мы вернулись, я долго сидела в нашей с Джо спальне, практически не отнимая пистолета от виска. – Я невольно вздохнул. Джен сделала небольшую паузу. – Мне

просто хотелось покончить со всем. Положить конец боли, безнадее – всему разом. Зачем мне было жить?

Сам того не заметив, я кивнул.

– На следующее утро я проснулась, все еще прижимая к голове пистолет.

– Мать твою, а если бы ты во сне дернулась?! Ты только представь... – неверяще воскликнул я.

Она слабо улыбнулась.

– Той ночью мне приснилась Джо. – Ее взгляд затуманился. – То, как она любила жизнь. Каким бы дерьмом все ни оборачивалось, она всегда радовалась мелочам: чашке горячего какао, поездке в «Икею», новому флакону с маслом пачули, игре в софтбол. Боже, как мне ее не хватает, – всхлипнула она. Я отвернулся, позволив ей взять себя в руки, и она, похоже, оценила мой такт. – Ох, прости, никак не могу смириться... Джо хотела бы, чтобы я жила, любила, постигала все сущее. А не тонула в пучине отчаянья. Узнай она, что я решила свести счеты с жизнью, она бы задала мне хорошую трепку.

Я бы, между прочим, не отказался на это поглядеть. Простите, не удержался.

– Когда я наконец догадалась, почему у меня болит голова, я отдернула руку с пистолетом и бросила его в другой конец комнаты. Он сбил шляпу, которой я прикрыла нашу фотографию, и я поняла, что Джо все еще со мной, и решила, что не могу снова подвести ее – а если уж на то пошло, и *тебя*.

«Что ж, посмотрим». Вслух я этого не сказал. Как-никак, я незрелый кретин, а не чудовище. Я помог Джен спуститься и протянул ей энергетический батончик, после чего обернулся на звук открывшейся дверцы «форда» Брендона. Закутавшись в одеяло, на улицу вышел Джастин.

– Боже, он такой бледный, – заметила Джен. – Почти как... прости.

Она посмотрела на меня. Но мы оба думали об одном и том же. Голова Джастина дернулась влево, затем вверх, а потом снова вправо и вниз, как будто он наблюдал за подачей навывлет в теннисном матче.

– Что он делает? – спросила Джен.

Я заметил кружившую над головой Джастина муху. Меня объял ужас. Да, мои сослуживцы хорошо посмеялись бы над здоровенным морпехом, который испугался какой-то мухи. Что дальше? Начну бояться французов? У меня на глазах муха еще дважды облетела голову Джастина и села на самый кончик его носа. Джастин просто наблюдал за ней, даже не пытаясь вытащить руки из-под одеяла и отогнать насекомое прочь. Она беспрепятственно ползала по его лицу, и от одного этого вида мне неимоверно хотелось почесаться.

– Так, ребята, по-моему, пора двигаться! – крикнул я, не сводя глаз с мерзкой мухи.

– Да ладно тебе, Тальбот, мы ведь только остановились, – проворчала миссис Дено, затягиваясь сигаретой. – Эти идиоты, – сказала она, обводя рукой почти всех, – не разрешают

мне курить в кузове. Только и твердят о пассивном курении.

– Хрен с вами, оставайтесь! Мне плевать! Докуривайте сигарету. Да хоть всю пачку! Черт, да идите нарвите травы, высушите ее и курите сколько влезет. А я сваливаю! – проорал я в ответ.

Миссис Дено как будто хотела подлить масла в огонь, но здесь был не «Волмарт», где она могла плевать ядом и получать все, чего желало ее холодное, паршивенькое сердечко. Видимо, по моему взгляду она поняла, что я и правда брошу ее здесь без всяких сожалений, и раздавила окурок подошвой туфли.

Би-Эм подошел к кузову фуры.

– А кто это тебя главным назначил? – прогремел он.

– Знаешь что, Би-Эм? – сказал я, стараясь выглядеть как можно более высоким и устрашающим, что было не так то просто, учитывая, что я едва доставал ему до плеча.

– Что? – спросил он.

– Ничего, Би-Эм, ничего. *Никто* меня главным не назначал. Вообще-то я даже не хочу быть главным. Мне было бы куда проще на этом карнавале смерти, если бы от моих действий и решений не зависела жизнь других. Я бы с радостью полеживал себе в кузове и вместе с Игорем полировал очередную припасенную бутылку. Так что, мой гигантский друг, не стесняйся, бери бразды правления этим караваном в свои руки и делай, что хочешь. Я устал от всего этого дерьма.

– Ты что, Тальбот, я же просто прикалываюсь, – ответил

Би-Эм, снова размещаясь в кузове. – Ты достаточно безумен, чтобы нас отсюда вытащить.

Он рассмеялся. Я не знал даже, радоваться мне или ужасаться этому.

Алекс как раз помогал Марте, которая меняла подгузник малышке.

– Майк, а в чем дело? Не хочу быть занозой в заднице, но эту фуру водить приятного мало. Я бы не отказался еще пару минут побродить вокруг и размяться, чтобы кровь снова прилила к почкам.

Мне даже не пришлось разворачиваться, чтобы пальцем указать назад. Алекс тотчас сник.

– Что там, Алекс? – спросил я.

Он снова перевел глаза на меня.

– То есть, Майк? Ты же сам мне показал.

– Все плохо?

– Майк, ты что, издеваешься? – нахмурившись, бросил Алекс.

Я отрицательно покачал головой.

– Там спринтер.

– Далеко? – спросил я, хотя и сам примерно прикидывал расстояние до противника, желая обратиться как можно скорее.

Алекс снова посмотрел вдаль.

– С четверть мили от нас. В чем дело, *дружище*? Откуда эта тварь узнала, что мы здесь? Мы ведь у черта на куличках.

– Не знаю, Алекс, но ты взгляни на Джастина.

Алекс медленно, с неохотой повернул голову. День и так был на редкость неудачным, а еще не перевалил за середину.

– Он просто стоит. Бледный, конечно, но не хуже, чем раньше.

– Алекс, присмотрись.

– На что он смотрит? У него муха на носу? И что?

– Откуда здесь муха, Алекс? Сейчас зима.

– Может, она из фуры вылетела? – предположил тот, но я почувствовал, что он и сам не верит в такую возможность. Алекс перекрестился. – Марта, заканчивай. Мы уезжаем.

Бегущий по заснеженному полю зомби был еще довольно далеко, но чувствовать себя добычей приближающегося хищника никому не нравилось. Уверен, в мире нет ни одной газели, которая может спокойно стоять на месте, пока рядом рыскает лев. Джастин повернулся к нам, и муха наконец-то улетела у него с носа. Его щеки немного порозовели, но непонятно, от страха или от восторга.

Трейси помогла ему снова устроиться в машине Брендона и посмотрела на меня. Она, как и я, была встревожена, но по другим причинам. Она волновалась о его физическом состоянии. Я же волновался о том, что творилось у него в голове. Я начинал подозревать, что зомби использовали Джастина в качестве навигатора. Удобного маячка. Как свой ориентир. Прекрасно, вокруг меня лишь смерть, а я тут упражняюсь в красноречии.

Когда мы наконец-то тронулись с места, я уже мог различить черты лица нашего противника. Ему, похоже, вовсе не понравилось, что мы решили поскорее убраться с его дороги. Вдали показались новые зомби, которые вслед за своим предводителем бежали по мерзлой тундре за куском мяса. На секунду я даже подумал: «А если бы Джастин остался здесь, они бы прекратили нас преследовать?» Но я только подумал об этом – и ничего больше. За мысли не наказывают. В конце концов, нам все равно пришлось бы остановиться и принять бой, но шоссе не слишком подходило для организации обороны.

Глава 9

Дневник Майка. Запись седьмая

Мы ехали два часа, но страх не отступал. На самом деле он только усиливался. Я снова и снова прокручивал в голове все события этого дня, пытаюсь найти иное объяснение происходящему.

Прежде всего стоит сказать, что ко встрече с зомби-спринтерами я был не готов. С их появлением наши шансы на выживание резко снизились. Любой способ передвижения, не предполагавший использования машин, теперь стал равносителен самоубийству. Эти новые зомби, похоже, могли без устали бежать на полной скорости. Я же и в свою лучшую пору мог дать ускорение на четверть мили максимум, а теперь, наверное, и вовсе ярдов на сто от силы. Я пожеился при воспоминании о нашем побеге из «Волмарта». Если бы мы еще тогда встретились со спринтерами... Пожалуй, все бы уже было кончено и я бы не писал эти строки.

Главной нашей проблемой сейчас было солнце. Точнее, его неизбежный заход. Рано или поздно нам нужно будет остановиться на ночлег, а где нам найти убежище, учитывая, что сияющий маяк постоянно выдает наше местоположение, я и представить не мог. Я готов был поспать и в машине, но троих остальных пассажиров было не так просто устроить.

Мы все могли разместиться в фуре, но тогда в случае чего нам пришлось бы бросить джип и «Эксплорер», чего мы категорически не хотели. Можно было найти пригодный к обороне дом, но у меня перед глазами мелькали образы из старого фильма «Ночь живых мертвецов»¹⁰: руки зомби, протиснутые в окна, и все такое. При ближайшем рассмотрении идея не казалась мне столь хорошей.

Положение нашей команды было не из лучших. Смотрите: нас было, пожалуй, раз в тысячу меньше; они не нуждались во сне и к тому же только что перешли на вторую передачу. Да, завидного мало. Я как раз размышлял о бесчисленных вариантах нашей гибели, когда сам чуть не угробил всех сидящих в машине. Алекс тормозил уже с полмили, пытаюсь привлечь мое внимание, чтобы съехать на обочину, но я задумался и чуть не вцепился ему в задницу, увидев огромные, как блюдца, тормозные огни в самый последний момент.

– На дороге, кроме нас, всего две машины, и ты чуть не врезался в одну из них, – заметила жена. – Так и знала, что нельзя позволять тебе водить мой джип.

Я был зол и с трудом сдержался, чтобы не ляпнуть что-нибудь в ответ, – в основном потому, что она была права. Не в своей абсурдной любви к этому джипу, конечно, а в критике моего вождения. Читал я как-то в одной туалетной газетенке... Ладно, нечего фыркать. В прошлой жизни я очень лю-

¹⁰ «Ночь живых мертвецов» (англ. *Night of the Living Dead*) – классический фильм ужасов режиссера Джорджа Ромеро, снятый в 1969 году. – Прим. ред.

бил посидеть на унитазе, коротая время за изучением бульварного чтива. Так вот, в одной из этих дерьмовых статей (уловили игру слов?) писали, что в 1899 году в Оклахоме было всего две машины на весь штат, но и они умудрились столкнуться на дороге. Говорят, история повторяется... Что ж, я сам чуть это не доказал.

– Тальбот! – прикрикнула жена. – Алексу что-то нужно.

Я провел ладонью по лицу, надеясь рассеять клубившийся в голове туман, но это не помогло. Съехав на обочину, я остановился возле кабины фуры, волнуясь все сильнее.

– Алекс, что стряслось? – спросил я, перекрикивая гул двигателей.

– Я начинаю уставать, – ответил мне Алекс.

Слова были излишни: он выглядел совершенно измотанным, а в кабине с ним были еще и двое маленьких детей. Малыши утомляют, даже когда просто лежишь на диване, а тут ситуация была далеко не такой удачной.

– Начинаешь? – поддел его я.

То ли он не расслышал меня, то ли слишком устал, чтобы понять подкол, а потому просто пожал плечами.

– Что делать будем? – спросил он.

– Я как раз об этом думал...

Алекс ожидал, что я изложу свой план. Вот только, как ни печально, у меня его не было. Когда пауза затянулась, Алекс все понял.

– Впереди есть небольшой городок. Называется Вона, –

сказал он.

Теперь уже я пожал плечами:

– И что?

Вона, Детройт, да хоть Париж, мать вашу. Куда нам податься, чтобы за нами не увязался очередной мясоед?

– Там есть полицейский участок, – продолжил Алекс.

При этих словах у меня появилась надежда, пусть и слабая. Полицейский участок укреплен лучше, чем обычный дом, к тому же там есть камеры.

– Веди меня, Тонто¹¹! – крикнул я.

– Черт, это еще кто такой? – отозвался Алекс.

– Забей! Сколько нам еще ехать?

– Минут десять, вряд ли больше.

– Отлично, мы разведаем дорогу.

Я нажал на газ и выехал вперед. Так было безопаснее: джип обладал гораздо большей маневренностью и при необходимости мог быстрее покинуть вражескую территорию.

Через пять минут я уже свернул с дороги по указателю на Вону. Алекс остался на шоссе, не став глушить мотор. Мы договорились, что, если я не вернусь через двадцать минут, он поедет дальше. Я знал, что он так не поступит, но таков был наш план.

Желудок скрутило. Стараясь сохранять спокойствие – что

¹¹ Тонто (англ. *Tonto*) – вымышленный персонаж, индеец, спутник непримиримого борца с беззаконием техасского Одинокого рейнджера. Действующее лицо различных американских телевизионных вестернов, радиопостановок и романов. – Прим. ред.

получалось так себе, – я повернулся проверить, не выдаст ли каких-нибудь сигналов моя система раннего оповещения по имени Томми. Но тут меня постигло разочарование.

– Эй, приятель, ничего не чувствуешь? – спросил я как можно более непринужденно.

– Что-то чувствую, мистер Ти, – ответил он, улыбнувшись.

Я подождал с секунду, надеясь на объяснение, но потом догадался, что «чувства» Томми были скорее связаны с его любовью к сладостям, чем с тем, как сложится наша судьба при въезде в Вону.

– Мистер Ти?

– Да, Томми, – сказал я, сбрасывая скорость до пятнадцати миль в час. Как раз для того, чтобы осмотреться по сторонам, а в случае опасности успеть уйти от нее.

– Что означает, когда прикладывают руку ко рту? – спросил он.

Я собрался было ответить, что это означает помалкивать, но потом засомневался – все же обычно велят молчать, прикладывая к губам лишь один указательный палец.

– Не знаю, Томми, а что?

– Райан одной рукой прикрыл рот, а другой указывает на шею, качая головой из стороны в сторону.

Моя нога невольно перескочила с педали газа на педаль тормоза; я остановил машину.

– Что такое, Майк? – спросила Трейси. – В прошлый раз ты так резко тормозил, когда мы чуть не сбили лося на лес-

ной дороге.

– Все гораздо хуже. Кто-то или что-то блокирует способности Томми.

Как по команде мы все повернулись к окнам, уверенные, что тут же увидим препятствие. Но в смерти Вона была практически такой же, как и в жизни, – мертвой. Я понятия не имел, откуда у них вообще полицейский участок – разве что для ареста хулиганов, которые дразнят коров. А может, в условиях жесточайшего кризиса туда отправляли плохишей, сбивавших почтовые ящики. Черт, да мы уже на три четверти мили углубились в город, а я не заметил ни баров, ни винных магазинов – у них тут даже пьяниц не было! Содержание полицейского участка здесь явно не окупалось.

– Томми, а Райан может писать? – спросил я, без надежды надеясь. Идея была сомнительной, но я зацепился за нее. – Может, он нацарапает нам записку, чтобы объяснить, что происходит?

– О боже! – простонал Томми.

В ответ на это я снова перебросил ногу на газ, озираясь по сторонам и пытаясь понять, что его так расстроило. Я был весь на нервах, но немного расслабился, когда не обнаружил ничего в зоне видимости. В конце концов, мало ли что там привиделось Томми.

– Томми, что случилось? – спросил Тревис.

Даже Генри беспокойно заерзал – он явно почувствовал, как изменилось атмосферное давление внутри машины, пока

мы ждали объяснений.

– Такое впечатление, что все пальцы Райана переломаны, – едва слышно пробормотал Томми и всхлипнул.

– Черт! Вот черт! – нервно сказал я.

– Майк, что это значит? – спросила меня Трейси, внутри которой нарастала подобная нашей с Томми паника.

Казалось, только Тревис еще сохраняет спокойствие, но и он сжал дробовик так сильно, что костяшки пальцев побелели.

– По-моему, за нами охотятся, – ответил я.

Напряжение Трейси немного спало.

– Так вот оно что! Зомби уже несколько недель бродят за нами по пятам. Что в этом необычного?

– Нет... На этот раз все иначе. Дело не в зомби, которые пытаются нас сожрать. Нас отслеживают... специально.

– Но как? Это ведь невозможно! – воскликнула Трейси, скорее пытаясь доказать самой себе, что пока не сошла с ума, чем переспорить меня.

– Невозможно? Ты правда еще считаешь, что это весомый аргумент? – удивился я.

– Ладно, извини. Но как? – уже тише произнесла она. – А еще – зачем? И кому это надо?

– Может, мы вкуснее, – предположил я, и Трейси укоризненно на меня посмотрела. – Прости... – Я поднял руки, чтобы отразить возможные удары. – Неправильно подобрал слово.

– Да ладно.

Я боялся до жути, но изо всех сил старался не подавать виду ради Тревиса, Томми и Трейси, а если уж честно, то и ради себя самого.

– Я практически уверен в том, *кому* это нужно, и догадываюсь *зачем*, но понятия не имею, *как* это возможно.

Я поделился своими соображениями о Джастине и о том, что он притягивает к себе всех зомби в округе. Трейси мне не поверила. Уверен, она готова была отрицать это до последнего – в конце концов, какая мать поверит в то, что ее ребенок может быть опасен для остальных? Трейси смотрела на меня так, словно я только что плюнул ей в тарелку.

– Это просто теория, доказательств у меня нет.

– Придумай что-нибудь получше, студент, – бросила она, сложив руки на груди и уставившись прямо перед собой.

Все ясно. Урок номер один: никогда не делай своего ребенка козлом отпущения на глазах у жены.

Мы молча поехали дальше. В центре Воны действительно оказался ничем не примечательный полицейский участок. Я медленно проехал мимо него, высматривая, не возникнет ли проблем. Меня уже подташнивало от этого затянувшегося затишья перед бурей. Было тихо, до ужаса тихо. Участок был не больше средней прачечной и выглядел не лучше, но все мы с легкостью могли в нем разместиться. К счастью, два окна на фасаде были забраны решетками, а дверь казалась достаточно крепкой. И с чего вдруг я вспомнил слоган из

рекламы ловушек для тараканов? Он снова и снова прокручивался у меня в голове: *«Добро пожаловать! Назад никто не выйдет»*.

– Черт, не нравится мне все это, – сказал я, ни к кому не обращаясь.

– Так давай уедем? – поспешно предложила не менее встревоженная Трейси.

– Спать в «джипе» посреди дороги мне и подавно не хочется. Так что это меньшее из двух зол. Придется остаться в Воне.

– Уверен? – спросила жена, осматривая салон, как будто он вдруг разом стал просторнее.

В ответ я зевнул. Мое молчание оказалось худшим из всех возможных решений. Я включил поворотник, чтобы заехать на парковку, как будто желая предупредить всех многочисленных водителей позади меня, что собираюсь повернуть.

– Что ты делаешь? – спросила Трейси.

– Омлет готовлю, – огрызнулся я. Время от времени у меня отказывают тормоза, и я начинаю говорить первое, что приходит мне в голову. – Черт, прости, Трейс. Я просто вымотался.

Интересно, такого извинения достаточно? Я с опаской посмотрел на жену. При встрече с диким зверем (в нашем случае – с самкой человека) лучше всего избегать прямого зрительного контакта и не совершать быстрых и резких движений. Судя по тому, как она сложила руки на коленях, удар

мог последовать в любую секунду, а когда я медленно поднимал взгляд, в ее глазах пылала ярость, которая подтвердила мои подозрения: я все еще был в опале.

– Тальбот, может, проверишь уже, открыта ли дверь?

Предложение было вполне обоснованным. Моя реакция – вовсе нет. Ни с того ни с сего сама мысль о том, чтобы покинуть относительно безопасную машину, показалась мне худшей из возможных идей. Вот черт! Я хотел предложить подвести «джип» к двери, чтобы она быстро дернула за ручку, но было ясно, что она на это скажет. Я даже начал придумывать аргументы вроде: «Я останусь за рулем, чтобы сразу нажать на газ, когда ты сядешь обратно». Или: «Ты что, забыла, что плохо справляешься с ручной коробкой?» Или еще того лучше: «Ты меньше меня, поэтому им не очень захочется тебя есть». Проклятье.

– Верно, сейчас выясню, – выдавил я с улыбкой Чеширского Кота.

Я вышел на посыпанную гравием парковку. Мелкие камушки хрустели у меня под ногами, распугивая воронье. «Зашибись, – подумал я, вернувшись к привычному мне грубоватому способу выражения мыслей. – Как будто здесь и без того было недостаточно жутко».

– Трев, дай-ка мне револьвер, – сказал я.

Тревис проверил барабан и убедился, что револьвер заряжен.

– Пап, хочешь, я пойду с тобой?

Само собой, я этого хотел, но однажды я уже имел разговор с Трейси на эту тему, а во второй раз она проигрывать явно не собиралась.

– Нет, – бросил я и тотчас почувствовал, как Трейси немного расслабилась. – Возьми винтовку и при необходимости прикрой мое отступление.

Мне не хотелось, чтобы он стрелял из дробовика, ведь в сложившейся ситуации мне не хватало только вытаскивать дробь у себя из задницы. Я снова взглянул на Томми, надеясь на какое-нибудь божественное вмешательство, но ничего не получил – он не попытался остановить меня и только пожал плечами.

Глубоко вздохнув, я сделал первый шаг, и холодный ветер ударил мне в лицо. Я вобрал в легкие побольше морозного воздуха и выдохнул; изо рта пошел пар. До двери полицейского участка было пять нормальных шагов, но я сделал пятнадцать маленьких и осторожных. *«Только бы закрыто! Только бы закрыто! Только бы закрыто!»* Ручка тихо повернулась, и дверь открылась. Внутри царил полумрак, расчерченный полосами света, проникающего сквозь пыльные окна. На свету медленно кружилась пыль. Сильно воняло. Я отшатнулся. Трейси перебралась на водительское сиденье, а Тревис вышел из машины, чтобы обеспечить себе лучший обзор.

Я вздрогнул, когда Трейси крикнула:

– Что там?

Что ж, если они еще не выяснили, что мы здесь, теперь знали наверняка. Не поворачиваясь, я ответил:

– Воняет, как Генри после бобового буррито.

По-моему, вышло довольно смешно. Трейси аж позеленела при воспоминании об этом. Еще и суток не прошло, как мы избавились от этой вони, а такое быстро не забывается.

– Смертью пахнет.

– Залезай, поехали, – взволнованно велела Трейси.

Ее предложение мне понравилось, но любопытство не давало мне покоя – на меня ведь не напали сразу. К тому же для такого любителя пушек, как я, это место тайло кучу сокровищ.

– Подгони сюда тачку и включи фары.

– Ты серьезно? По-моему, лучше просто убраться отсюда, – ответила Трейси.

– Может, ты и права, но все равно подъезжай ближе.

Тревис пошел рядом с джипом, внимательно глядя по сторонам. Томми встревоженно выглядывал из окна, но не смотрел вперед – он смотрел туда, откуда мы приехали. То ли он чувствовал приближение чего-то, то ли хотел поскорее вернуться – мне оставалось только гадать. Трейси подъехала ближе, и фары осветили здание, хоть и не слишком ярко, но внутрь свет почти не проник.

– Можешь сдать назад и повернуться так, чтобы одна из фар светила точно в дверь? – как можно вежливее попросил я.

– Что ж ты сразу не сказал? – огрызнулась Трейси.

Было очевидно, что не стоит озвучивать те ответы, которые тотчас родились у меня в голове, если мне еще хочется сохранить добрые отношения с женой, поэтому я как можно спокойнее произнес:

– Да, не подумал заранее.

И почему только здравый смысл не считается добродетелью? Надеюсь, моя жена никогда не прочтет эти дневники.

Она резко сдала назад, и джип заглох. По всем законам классических фильмов ужасов как раз в этот момент должно было появиться чудовище. Я вздрогнул, когда Трейси снова включила зажигание и тарахтение мотора, эхом отдающееся от стен, поглотило все другие звуки. Момент настал. Я замер. Рука, зубы, укус – что-то должно было случиться с минуты на минуту.

– Ой! – крикнула Трейси в окно.

Я чуть не обделался. Впрочем, гордиться здесь нечем. Я ведь не герой боевика с кучей дублеров и не персонаж компьютерной игры. У меня нет запасных жизней и возможности сохраниться: жизнь одна – если что-то идет не так, на кнопку перезагрузки здесь не нажмешь.

Трейси переставила джип, и свет одной из фар прорезал сумрак. Теперь был освещен практически весь участок, но мне все равно казалось, что в темных углах таятся жуткие монстры. Справа от меня стоял стол с засохшим цветком в горшке. Скорее всего, в кресле когда-то сидела крепко сби-

тая пожилая дама с веселым нравом. Секретарша, должно быть, знала всех жителей этого маленького городка. Сразу за ее столом была дверь в кабинет городского шерифа. Откуда я это знал? На двери висела табличка с надписью «Шериф», которая рассеивала все сомнения. Я никак не мог выкинуть из головы образ Энди из Мэйберри. Оставалось только надеяться, что здесь нет своего Барни Файфа, который вечно все портит¹².

Слева была полупустая пирамида для ружей. Похоже, шерифа не застали врасплох. Мне подумалось, что он пал смертью храбрых, до последней секунды защищая тех, кому всю жизнь служил. Я не знал его и никогда уже не узнаю, но в моих глазах он был настоящим героем.

Я снова обратил внимание на дальнюю часть участка, где находились камеры. Мне были видны толстые металлические решетки, но ничего более. Свет фар туда не доставал, и, если там что-то и было, оно решило пока не выдавать своего присутствия. В любом случае, источник вони находился там.

Что я за выживальщик такой? У меня даже фонарика с собой не было. Впрочем, здесь это была не проблема. Я подошел к оружейной пирамиде и взял один из двух штурмовых поясов. Тяжелый, похожий на дубинку фонарик удачно лег мне в руку. Я надеялся, что четыре батарейки типа D,

¹² Энди Тейлор и Барни Файф – герои популярного американского ситкома «Шоу Энди Гриффита», выходившего на экраны в 1960–1968 гг. Энди Тейлор является шерифом маленького городка, а Барни Файф – его недотепой заместителем. – *Прим. переводчика.*

питающие фонарь, еще не выдохлись. Естественно, я поступил, как умный человек, и решил проверить это, направив фонарь себе прямо в глаза. Ничто так не подстегивает выброс адреналина, как временная слепота. Я тотчас отвел фонарь и принялся размахивать им из стороны в сторону, надеясь, что смогу справиться с противником, который вдруг возникнет у меня на пути. В конце концов я сбил со стола лампу и на звук бьющегося стекла в участок вбежал Тревис. Он заслонил собой свет фары, и все снова погрузилось во тьму. Если, конечно, наш противник не прятался за лампой или на потолке (куда светил фонарик), следующие несколько мгновений могли стать для нас фатальными. Как знать, может, и у Джона Уэйна¹³ были такие моменты?

– Пап, ты в порядке? Что случилось? – спросил Тревис и, догадавшись, что загораживает собой весь свет, шагнул в сторону.

Со мной все было в порядке, это правда. Но как ответить на второй вопрос? Здесь все было сложнее. Стоило ли мне солгать и сказать сыну, что я боролся с легионом живых мертвецов? Во мне все еще оставались крупинцы гордости. Признавшись, что я случайно ослепил себя, а затем чуть не обосрался, когда разбил лампу в попытке нейтрализовать невидимого противника, я бы потерял все намеки на это великое человеческое качество. Нет, лучше уж соврать. Тогда

¹³ Джон Уэйн (1907–1979) – американский актер, получивший прозвище «король вестерна». – *Прим. переводчика.*

гордость останется при мне. Пусть уж лучше считает, что я рискнул собой ради всех остальных.

– Летучая мышь пролетела.

Тревис посмотрел вверх. Не поверив ни единому слову, он снова взглянул на меня.

Черт, должно быть, недоверчивость досталась ему от матери. Я навел фонарик на камеры, в основном чтобы отвести внимание от себя. Зрелище, конечно, было не из приятных, но все же не так ужасно, как могло бы быть. В самой дальней от нас находился человек, и, похоже, довольно молодой. Впрочем, точно его возраст определить было затруднительно, потому что он посинел от холода. Он свернулся в позе эмбриона на маленьком коврикe, видимо, чтобы согреться под куцым пледом вроде тех, что выдают в самолете.

– Бедняга. Наверное, его посадили как раз в тот день, когда все это началось.

– Мы сможем его вытащить? – спросил Тревис.

– Что вы там так долго? – крикнула Трейси из джипа.

– Прибираемся тут!

Я снова подошел к оружейной пирамиде, откуда чуть раньше взял фонарик, и обнаружил связку ключей, висящих на огромном кольце – я-то думал, что такие только в кино бывают. С секунду помедлив, я вставил ключ в замок. Вдруг зомби просто прикидывался мертвым?

– Пап? – сказал Тревис. Продолжать не было нужды – я и так понял его молчаливый вопрос. Я прекрасно справился:

моя паранойя генетически передалась и детям.

Проклятье! Не хватало еще, чтобы я зашел в камеру и стал бы его выволакивать, и тут он ожил бы и решил меня сожрать.

– Скажи маме, чтобы приготовилась. Господи, прости меня за то, что я собираюсь сделать.

Моему внутреннему благочестивому католику нелегко было побороть чувство вины за тот грех, который я вот-вот должен был принять на свою душу, но инстинкты выживальщика кричали, что я и с этим смирюсь. Я прицелился и выстрелил человеку прямо в голову. На дальнюю стену полетели ошметки замерзшего мозгового вещества.

В замкнутом пространстве прогремел выстрел, который сменился негромким треском. Я не сразу понял, что этот звук издают капли холодной крови, падающие на пол. Что ж, теперь еще и это будет мучить меня в кошмарных снах.

Я вытащил почти обезглавленное тело из офиса, радуясь, что густая, полузамерзшая кровь не оставляет предательского следа, говорящего о моем преступлении, и бесцеремонно бросил его у дальней стены здания. Тогда я еще не понял своей ошибки, но тем самым я фактически прикормил акул – окровавленное тело стало приманкой для нашего противника.

Дверь я оставил открытой, надеясь, что вонь немного рассеется к тому времени, когда мы вернемся. Мы снова поднялись на шоссе по тому же съезду – должен признаться, мне от

этого стало не по себе, ведь правила движения впечатались в мою голову намертво и ездить как попало мне было не слишком удобно. Поравнявшись с фурой, мы увидели Алекса, который нервно переминался с ноги на ногу в ожидании нас.

– Ну что там, Майк?

Мне хотелось отделаться стандартным «город мертв», но шутка стала уже слишком банальной.

– Черт, Алекс, мне это место не по душе. Мы *ничего* не увидели – ни людей, ни мертвецов, ни спринтеров. У тюрьмы только один вход. Из плюсов: на окнах решетки, а дверь довольно крепкая. Давай спустимся и припаркуем фуру прямо у входа, чтобы мы могли быстро запрыгнуть в кабину, если к нам на ужин заявятся незваные гости.

– А толку-то, Майк? Мы все в кабину не влезем! – воскликнул он.

– Друг, ты просто устал, – сказал я, похлопав его по плечу, что ему явно не понравилось. – Ладно, – бросил я и убрал руку.

– Прости, Майк, я с ног валюсь.

«*Блин! Да ведь и я тоже!*» Так, это уж слишком. Я так громко проорал это у себя в голове, что Алекс, похоже, все понял.

– Не бойсь, в кабину полезешь только ты, а потом подведешь фуру задом к двери.

Он кивнул. Черт, он был хорошим другом, и я надеялся, что не испортил наши отношения. Я потерял не одного по-

тенциального союзника из-за собственной несдержанности, а союзники сейчас были на вес золота.

– А ваши машины?

– Конечно, не хочется их потерять, но лучше уж так, чем погибнуть, – сказал я настолько непринужденно, что Алекс даже усмехнулся. – Участок в центре города, по правую руку от дороги. Я поеду первым.

Не говоря больше ни слова, Алекс поднялся в кабину. Мы обернулись всего за десять минут, но за это время успели сгуститься сумерки. Дверь участка все еще была открыта нараспашку, ожидая нашего возвращения, как голодный гризли ждет лосося.

Когда приходится выживать, воображение быстро становится проклятием. На земле и так творятся чудеса, поэтому в дополнительной фантастике просто нет смысла. И все же я не мог отделаться от мысли, что Безголовый Фред¹⁴ уже воскрес и терпеливо ждет нас внутри. Может, пусть первой зайдет миссис Дено? Казалось, ничего логичнее и придумать нельзя. Ведь это своего рода жертва. Никто не будет по ней скучать. А что? Как будто вы сами об этом не подумали!

¹⁴ «Безголовый Фред» (англ. *Dead head Fred*) – комедийно-приключенческая игра для игровых приставок. – Прим. ред.

Глава 10

Дневник Майка. Запись восьмая

Через двадцать минут мы все уже были в участке. Мы установили два больших фонаря на манер свечей, и они осветили практически все помещение, за исключением самой дальней камеры, куда я то и дело посматривал. Джен разыскала немного топлива для стоящей в углу маленькой печки-буржуйки. Я не собирался признаваться, что при первом осмотре ее не заметил. На смену мертвенному смраду пришел запах жизни. В плохие дни (а в последнее время почти все дни были плохими) по части запахов мы явно давали фору нашим мертвым собратьям. Товарищи уже не раз поглядывали на меня, когда Генри выпускал газы.

Еще через десять минут мы сделали то, что всегда делают люди: поместили свою территорию. Тальботы заняли первую камеру – самую дальнюю от бывшей обители «Фреда». Мы оказались далеко от печки, но вместе с тем далеко и от двери и окон. Я не мог отделаться от чувства, что незваных гостей нужно ждать именно оттуда. Хотя окна были зарешечены и прикрыты ставнями, они все равно оставались самой уязвимой частью здания. Тепло от печки дойдет сюда нескоро (а может, и вообще не дойдет), но в маленьком полицейском участке было столько народу, что это не казалось проблемой.

Стало теплее, и разговоры затихли. Один за другим измотанные беглецы начали погружаться в сладкие сны (в любом случае худший кошмар, чем тот, в котором мы жили, не так-то просто было себе представить).

– С Рождеством, – громко сказал я.

В ответ мне раздалось несколько приглушенных «С Рождеством», но большая часть людей не обратила внимания на поздравление.

Через десять минут, несмотря на тихие разговоры, кашель и яркий свет фонарей, я заснул. Для меня это был настоящий подвиг. Что касается сна, я был настоящей примадонной: засыпал только в абсолютной тишине, а проснуться мог от любого шороха.

«Тальбот!»

Я тут же сел.

– Что? – спросил я... пустоту.

Сложно было сказать, сколько я проспал, но утро еще не наступило. Все спали, за исключением сидящего у окна часового (это был Игорь), но он на меня даже не смотрел. «*Черт, кто меня позвал?*» – сонно подумал я. Я практически не сомневался, что кто-то выкрикнул мое имя во сне – к примеру, ему снилось, что он дает мне подзатыльник за прошлые обиды. Здесь у многих был на меня зуб – взять хотя бы Трейси. «*Нет, вряд ли это Трейси, мне показалось, что голос мужской*». А, фиг с ним, Би-Эм мог наорать на меня и завтра. Я снова положил голову на импровизированную подушку из

сиденья стула.

«ТАЛЬБОТ!»

На этот раз зов был громче.

Я снова сел, но часовой так и не повернулся ко мне. Он просто не мог этого не услышать. Если уж на то пошло, такой крик должен был разбудить добрую половину спящих. «Какого хрена?» Да, именно так я и подумал. Просто супер: теперь я слышал голоса у себя в голове – и был даже не голос Томми. Я посмотрел на парня. Его лицо казалось встревоженным, но он определенно спал.

«ТАЛЬБОТ!» – проорали снова.

Я вскочил на ноги.

– Да что такое, черт вас дерит?!

На этот раз Игорь повернулся ко мне, но остальные, к счастью, не проснулись.

– Ничего... Ничего, – сказал я ему.

Или я был довольно убедителен или же ему просто не было до меня дела, потому что он буркнул что-то по-русски и снова повернулся к окну. Я снова сказал: «Что?» – теперь едва слышно. И все же громче, чем требовалось, ведь голос был лишь у меня в голове. С каждым днем мне все больше хотелось сделать полное обследование головного мозга.

«Я иду!» – произнес голос, а потом сигнал пропал, как будто выключили телевизор.

Я покрылся холодным потом. Голос был мне знаком. Но как это возможно? Мне сразу же захотелось подойти к окну

и посмотреть, не происходит ли что снаружи.

Когда я подошел к двери камеры, Генри умоляюще посмотрел на меня. Я знал этот взгляд. Ему нужно было на улицу.

– Пойдем, дружище.

Он радостно завилял обрубленным хвостом. Пробираться между спящими, особенно имея на буксире Генри, было не слишком удобно.

– Ты куда? – спросил Игорь, когда я подошел к двери.

– Пса надо вывести.

– Догадываюсь. Он всю ночь воняет.

– Прошу прощения, – сказал я, опустив голову.

Учитывая, насколько токсична была вонь Генри, я не удивлялся, что мало кто мог ее выносить. Я начал поворачивать ручку.

– Я бы не стал этого делать, – спокойно произнес Игорь, напрягшись при этом всем телом. Я нисколько не сомневался, что, открой я дверь, он тут же пристрелит меня. – Тут тебе не «Вендис»¹⁵, мы допоздна не работаем.

Ему так понравилась собственная шутка, что он беззубо заулыбался сам себе.

Я понятия не имел, о чем он говорит. Должно быть, он продолжал потягивать выпивку из собственной заначки.

¹⁵ «Вендис» (англ. *Wendy's*) – сеть ресторанов быстрого питания, принадлежащая компании *Wendy's International*, третья по величине сеть ресторанов быстрого обслуживания в мире. – *Прим. ред.*

– Слушай, Игорь, если тебе кажется, что от одной вони Генри краска трескается, представь, что будет, когда он навалит здесь огромную горячую кучу. Когда все проснутся от вони, я скажу, что это ты не позволил его вывести.

Моя угроза не возымела никакого действия. Затем на меня медленно начало снисходить озарение. Теперь я понял шутку о «Вендис».

– Вот черт. Сколько их? – спросил я. – И давно они здесь?

– Ну вот, дошло наконец, – улыбнулся Игорь, хотя я и не понимал, что, черт возьми, во всем этом было такого смешного (и чуть не высказался по этому поводу). – Всего двое. Похоже, шериф и его заместитель вернулись на работу. Шатаются здесь минут пятнадцать.

– Ты никому не говорил? – недоверчиво спросил я.

– Зачем? Какой смысл? Они там, мы здесь.

Мне хотелось наорать на него, но вообще-то он был прав. Нам, людям, нужен отдых. Но наше убежище с легкостью могло стать ловушкой. Когда путь к отступлению только один, вариантов у тебя не так уж много.

– Разберемся с ними утром, когда все проснутся.

Это тоже было логично. И когда только Игорь превратился в Сократа?

– Кто-нибудь из них что-нибудь говорил? – спросил я, и Игорь глянул на меня так, словно я нашел и выпил всю его заначку. – Я так понимаю, нет?

Генри заскулил.

– Отведи-ка его в туалет.

Я повел пса в уборную, напоследок сказав:

– Игорь, сообщи мне, если их станет больше.

Мой приказ не предполагал возражений.

– Да, да, – рассеянно ответил Игорь, махнув рукой, и снова повернулся к окну.

Когда Генри закончил свои дела, я вернулся в камеру и обнаружил, что Джастин не спит.

– Поспи, приятель. Завтра снова будет долгий день, – сказал я.

Я имел в виду, что нам снова нужно будет трястись в машине, но при этом думал о незваных гостях, которые бродили вокруг. Вряд ли хоть кто-то из нас был готов вступить в очередную битву на выживание.

– Я весь день спал. Посплю, если захочу, – огрызнулся Джастин.

В обычных обстоятельствах такая дерзость, особенно от собственных детей, моментально вывела бы меня из себя, но сейчас Джастин так дерьмово выглядел, а я так дерьмово себя чувствовал, что мы просто уравнивали друг друга.

«Мы должны его убить. Он вечно говорит нам, что делать».

– Так и есть! Я бы преподал ему урок.

«Все просто: одна пуля в сердце – и всем твоим проблемам конец».

– Погоди-ка, разве не всем НАШИМ проблемам?

«Убей его».

– Кто ты? Я не могу его убить, он мой отец.

Джастин невольно поежился.

Генри снова заснул уже через несколько секунд – для собаки это не так уж сложно. К несчастью, мне повезло гораздо меньше. Я все никак не мог найти удобную позу. Перевернувшись в третий раз, уже проклиная все на чем свет стоит, я заметил, что Джастин смотрит на меня. Взгляд его не сулил ничего хорошего. У меня появилось отчетливое ощущение, что он хочет меня ударить. Когда он понял, что я поймал его взгляд, маска жестокости исчезла с его лица. На секунду он показался сбитым с толку, а затем перевернулся на другой бок, словно смутившись, что его поймали за неподобающим занятием.

Я с нетерпением ждал наступления утра. Ночка и так выдалась до ужаса странная. С первыми лучами солнца слышались удары, а мой сон о том, как я развлекаюсь с Чудо-женщиной, перестал быть интересным. При каждом нашем движении изголовье кровати стучало о стену, да так громко, что я в конце концов проснулся. В этот момент я не только понял, что на самом деле не трахнул Чудо-женщину, но и с трудом смог поудобнее утратить свое достоинство в трусах. А затем, как будто этого было мало, я догадался, что стук издают отнюдь не страстные любовники – его произво-

дят нежеланные гости. Причем они не доставили нам завтрак, они собирались его получить.

Я быстро сел. Игорь все еще оставался на посту... но глубоко спал. Еще пара человек озирались по сторонам, но никто не понимал всей опасности происходящего. Я поднялся на ноги и поморщился, когда ширинка царапнула эрегированный член. Согнувшись пополам, я попытался свести к минимуму обжигающую боль, которая мгновенно пронзила меня. Хрен с ними, с этими зомби. У меня есть дела поважнее. Несколько раз глубоко вздохнув и с трудом сдержав рвотные позывы, я почувствовал, что худшее уже позади. Вот бы это и стало самым худшим за весь сегодняшний день (забегая вперед: нет, чуда не случилось, день начался плохо и становился лишь хуже)! Только я начал медленно разгибаться, меня прервал резкий стук в дверь. Сквозь щели дрожащей на петлях двери внутрь участка пробивались ослепительные лучи солнца, но сама дверь, похоже, поддаваться не спешила.

Я подошел к окнам и раскрыл ставни, вызвав тем самым громкие протесты товарищей. Солнечный свет залил все уголки нашего импровизированного мотеля. Но все возмущение померкло в сравнении со звоном разбивающегося стекла, когда пролезшая между прутьями рука схватила меня за футболку. Я отскочил с проворством, которого не помнил со времен игры в школьной футбольной команде, и почувствовал, как ноготь мертвеца царапнул кожу – оставалось

только надеяться, что царапина была недостаточно глубока, чтобы зацепить мою плоть. Шрамов я не боялся, а вот страдать от инфекции вовсе не хотелось.

Игорь тотчас проснулся. Его винтовка оглушительно выстрелила, и все вскочили на ноги. Заявивший о своем присутствии зомби взвыл от раздражения, а я отошел от него подальше. Пуля вошла ему в плечо, но это, похоже, не слишком отвлекло его от цели. Из раны капала свежая кровь. Я даже не знаю, что меня больше поразило: что кровь не была свернувшейся, маслянистой темно-красной жижей или что зомби без конца подвывал от разочарования.

Сам того не замечая, я пятился назад, пока зомби изо всех сил старался пролезть сквозь шестидюймовый зазор между прутьями, чтобы добраться до меня. Игорь что-то громко говорил по-русски – по его тону и выражению я догадывался, что он ругался (хотя кто его разберет, ведь даже любовная баллада по-русски звучит как угроза в пьяной драке), пытаюсь справиться с заклинившим «АК-47» («Долбаное русское оружие». Нет, я не шучу, я действительно так подумал, отступая от окна, поглядывая на зомби и одновременно проверяя, не появилось ли у меня на животе кровоточащих ран).

Зомби просунул плечо между прутьями и отчаянно пытался протолкнуть внутрь свой здоровенный торс, но тут Джен закончила то, что начал Игорь.

– Спасибо, – выдавил я, молясь святому покровителю Невредимой Плоти. Задрав футболку, я понял, что молитвы

не прошли даром.

Джен, казалось, была потрясена, но не сломлена. Теперь в ней чувствовалась некая решимость, какой прежде у нее этого не было. Она еще не до конца оправилась, но с каждым днем все больше походила на человека, с которым я бы пошел в разведку.

– Что это было? – взволнованно спросила она. Я вполне понимал причины ее волнения, ведь убить спринтера было почти все равно что убить одного из своих. – Мне показалось или эта тварь действительно сердилась?

– Они сердятся, расстраиваются и все так же испытывают голод. Да будь я проклят, если знаю, что это за новые зомби. Видимо, теперь с нами версия 2.0, улучшенная и дополненная, – саркастически ответил я.

– Готовая убить ТЕБЯ в любую минуту, – добавил Джастин, который тоже стал свидетелем расправы.

Я не мог не обратить внимание на ударение на слове «тебя» и то, что Джастин специально встретился со мной взглядом, когда его произнес. Однако я быстро выкинул это из головы, когда шериф и его заместитель наконец добрались до окна.

Игорь сумел-таки разобраться с автоматом и мигом расправился с медленными старыми зомби версии 1.0. Учтывая, что мы вломились к ним на работу, гости из нас, пожалуй, вышли никудышные: пришли без приглашения, вытеснили их, а затем еще и убили, когда они попытались проник-

нуть внутрь. Что ж, вежливость стояла далеко не на первом месте в списке моих приоритетов.

– Игорь, видишь еще кого-нибудь? – с опаской спросил я.

Мне хотелось выйти. Чем подробнее я анализировал ситуацию, тем сильнее чувствовал, что пора уезжать. В участке было тесно, тюремные стены как будто сжимались... Черт, да я чуть в обморок не хлопнулся – настолько это все выводило меня из равновесия. А потом все прекратилось столь же внезапно, как началось, и комната вернулась к своим изначальным размерам. Все случилось так быстро, что никто даже не заметил моего волнения... за исключением одного человека. Джастин смотрел прямо на меня, чуть улыбаясь тонкими губами.

«Блин, да что здесь происходит?!» Я все еще глядел на сына, когда Игорь наконец-то ответил на мой вопрос:

– Да, еще штук пять или шесть, может, больше. Я не вижу за фурой, да и окна только на одну сторону выходят.

Я понял, на что он намекает, и мое не в меру разыгравшееся воображение, подпитываемое фильмами ужасов, тут же нарисовало не меньше тысячи зомби, которые притаились у задней части здания и терпеливо ждали, когда мы откроем дверь, чтобы отхватить на завтрак человеческого мяса и сырный МакМаффин в придачу. Желудок заурчал при мысли о еде – конечно, не о человеческом мясе, а о МакМаффине. Помните, я же сказал, что зомби НЕ повредил мне кожу!

Эйприл выбежала на середину комнаты, тыча пальцем ту-

да, откуда она появилась. Мысли у нее, похоже, разбегались, и она не могла произнести ни слова, беззвучно открывая и закрывая рот.

– Выкладывай уже, – потребовала миссис Дено. – Хлопнешь губами, как рыба без воды. Тебя это не красит.

Что ж, судя по всему, миссис Дено так и не научилась фильтровать свой базар. Она мне совершенно не нравилась, но на этот раз я был склонен с ней согласиться.

– Шум... шум... – забормотала Эйприл, и тут ее мозг наконец включился. – Я спала и слышала, как кто-то скребется в стену.

– Может,мышь? – скептически заметила миссис Дено.

И я снова был готов с ней согласиться. На самом деле мне даже хотелось этого, ведь альтернативный вариант был куда хуже. Теперь мы все слышали подозрительный звук – и доносился он из того самого места, куда я накануне бросил мертвого пленника.

– Вот идиот, – прошептал я, мысленно хлопнув себя ладонью по лбу.

«С таким же успехом можно было и вывеску повесить: заходите, мол, у нас прекрасный шведский стол». Я замер в нерешительности: выбор был невелик. Мы определенно не могли оставаться внутри, а что ждало нас снаружи – неизвестно. Меня выручил Би-Эм. Не специально, конечно, но мне хватило и этого.

– Тальбот, – прогремел в маленьком участке его зычный

голос, – давай-ка собирать пожитки и валить отсюда к чертям.

Двигатель внутри меня уже работал. Получив толчок от Би-Эм, я наконец смог включить передачу. Нерешительность мелькнула в зеркале заднего вида и быстро исчезла вдали.

– Так, Алекс, готовься. Я возьму пятерых, мы нейтрализуем противника, и ты запрыгнешь в кабину. Но не выходи, пока я не скажу. Если с тобой что-то случится, мне придется самому вести эту гребаную фуру, и мы оба прекрасно знаем, чем все это закончится.

– Ага, меня уж точно укачает, – улыбнувшись, заметил Би-Эм.

– Би-Эм, поверить не могу, что тебя может укачать, – сказал я, глядя на здоровяка.

– Зачем испытывать судьбу, Тальбот? – ответил он, хлопав меня по плечу.

Я чуть не упал под тяжестью его ладони. Не знаю, специально он это делает или просто сам не понимает своей силы... Ладно, я не настолько наивен. Конечно, он делает это намеренно. Что ж, пока он на моей стороне, я могу с этим смириться.

Мы с Игорем плечом к плечу встали у двери. Би-Эм и Брендон – прямо за нами, а Тревис с дробовиком в руках замкнул наш строй. Было бы логично выставить дробовик на переднюю линию, но будь я проклят, если позволю себе

пойти в бой ПОЗАДИ своих людей.

Джен взялась за ручку двери, готовая повернуть ее по моей команде, после чего мы с Игорем должны были выскочить наружу, паля во все стороны на манер Пола Ньюмана¹⁶ и Роберта Редфорда¹⁷ в фильме «Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид»¹⁸. Планировалось, что после того как мы покинем участок и сможем оглядеться по сторонам, к нам присоединятся Би-Эм и Брендон. Я надеялся, что вчетвером мы положим конец этой битве, и Тревис с Алексом смогут спокойно выйти наружу.

Джен кратко кивнула мне.

– Готов? – спросила она.

«Нет», – подумал я, а затем глубоко вздохнул и кивнул ей в ответ. Дверь распахнулась, Джен отпрыгнула в сторону. Я понял свою ошибку моментально. Я облажался. Утреннее солнце било мне прямо в глаза. Я ни хрена не видел! Да мне легче было Игоря пристрелить, чем какого-нибудь зомби.

Автомат Игоря грянул первой очередью. Я не знал точно, испытывает ли Игорь те же проблемы, что и я, и палит на вся-

¹⁶ Пол Леонард Ньюман (англ. *Paul Leonard Newman*; 1925–2008) – американский актер, кинорежиссер, продюсер. – *Прим. ред.*

¹⁷ Чарльз Роберт Редфорд-младший (англ. *Charles Robert Redford Jr.*, 1936 г.) – американский актер, независимый режиссер и продюсер. Лауреат премии «Оскар» за лучшую режиссуру. – *Прим. ред.*

¹⁸ «Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид» (англ. *Butch Cassidy and the Sundance Kid*) – фильм режиссера Джорджа Роя Хилла (1921–2002), вышедший на экраны в 1969 году. Вошел в историю Голливуда как самый кассовый вестерн. – *Прим. ред.*

кий случай или же действительно видит наступающих. Что-то коснулось моей винтовки, и я невольно спустил курок. Среди грохота раздался треск ломающейся кости. Я двинулся вперед. В этот момент я надеялся лишь на поддержку с тыла. Кто бы ни был передо мной, теперь он стал чуть тяжелее, получив заряд свинца. Автомат Игоря справа от меня вдруг замолчал, я почувствовал, что мой напарник падает. *«Вот черт, еще этого не хватало!»* У меня над головой прогремел выстрел, и я догадался, что это подоспел Би-Эм.

– Би-Эм, ты что-нибудь видишь? – прокричал я среди грохота.

– Вижу достаточно! – ответил он. – Тащи свою белую задницу обратно в участок!

Не дожидаясь ответа, он схватил меня за шиворот и буквально втащил назад – мои ноги в этот момент даже оторвались от земли. Джен и Брендон захлопнули дверь, а Тревис закрыл ее на засов. Снаружи наступали. Я слышал плач детей и громкие всхлипы, но по-прежнему ничего не видел. Я был ослеплен.

– Черт! Вот дерьмо! – воскликнул Би-Эм. – Их там до фига! Они рванули вперед, как только мы открыли дверь. Они выжидали. Тальбот! Они выжидали! Вот черт!

– А что с Игорем? – спросил я.

Повисшее молчание все сказало без слов.

Короткая и яростная битва дорого нам обошлась. Мы ничего не добились, и оттого потеря ощущалась только силь-

нее. Эйприл беззастенчиво рыдала, дети в основном прятались под одеялами, которые, конечно, не могли спасти их от настоящих чудовищ. Зрение постепенно возвращалось ко мне, и мне вовсе не нравилось то, что я видел. Зомби знали, что у нас только один путь к отступлению, и ждали, когда мы им воспользуемся. Они организовали классическую засаду. Подожди они еще пару секунд, пока мы все выйдем наружу, и они могли бы захватить участок. Когда глаза наконец-то привыкли к сумраку участка, я посмотрел на Джастина. Он воплощал само безразличие.

– Что ты знаешь? – закричал я.

Трейси подскочила к сыну и заслонила его своим телом.

– Майк, что ты делаешь? – воскликнула она.

– Он что-то знает! – проорал я. – И я хочу знать, что именно.

Остальные посмотрели на меня так, словно у меня окончательно поехала крыша. Я попытался оттолкнуть Трейси и добраться до Джастина, но Би-Эм это вовсе не понравилось.

– Ты что, рехнулся? – спросил он, хватая меня за руку.

Я бы вырвался из его захвата, но проще было голыми руками скрутить гайку с колеса. Ну, вы понимаете?

– Черт! – выкрикнул я и отвернулся.

Би-Эм отпустил меня, как только почувствовал, что мой гнев немного утих.

– Ты с ума сошел, Тальбот, – заметил он. – Битва снаружи.

Как будто в ответ на слова Би-Эм зомби, которые поняли,

что с засадой ничего не вышло, пошли в наступление на маленький участок. Внутрь посыпались осколки стекла, к нам потянулись изрезанные, окровавленные руки, готовые схватить любого, кто рискнет подойти достаточно близко. Все мы – вне зависимости от того, насколько далеко от окон находились изначально, – тут же попятились.

Было ясно, что зомби не могут попасть внутрь. Также ясно было, что мы не можем выйти наружу. Но то, что они не могли войти, не означало, что мы могли остаться здесь навсегда. Практически все наши вещи и припасы, в том числе и съестные, были в машинах... а машины стояли на улице. Мы не стали переносить все в участок, чтобы в случае поспешного отступления нас не обременяли тяжелые сумки. Кроме того, теперь по участку гулял холодный ветер, врывающийся в разбитые окна, и мы могли погибнуть множеством способов, ни один из которых не казался нам особенно привлекательным. Посмотрим-ка... Мы могли умереть от голода, но для этого нужно было подождать дней десять. Смерть от холода наступила бы, пожалуй, быстрее, дня за три. Или же, в самом экстремальном варианте, мы могли стать главным блюдом на жуткой трапезе, совсем как бедняга Джеймс Кук¹⁹.

Я вернулся в свою тюремную камеру – в данный момент она и правда стала для меня тюрьмой. Пол пришел меня про-

¹⁹ Джеймс Кук (англ. *James Cook*; 1728–1779) – английский военный моряк, исследователь, картограф и первооткрыватель, член Королевского общества по развитию знаний о природе и капитан Королевских ВМС. Согласно распространенному мифу был съеден аборигенами Гавайских островов. – *Прим. ред.*

ведать.

– Ты как, приятель? Такое впечатление, что ты чуток не сдержался, – сказал он.

Если бы у меня в глазах были встроены лазеры, он бы уже превратился в кучку пепла под моим взглядом. Даже чертовы зомби уже эволюционировали, почему у меня никак не получалось?

– Ты ведь понимаешь, что мы по уши в дерьме? – спросил я.

Он согласно кивнул.

– Майк, я и представить себе не мог, что смерть придет ко мне вот так, – задумчиво заметил он.

Я не смог сдержать сарказма.

– Как, Пол? В тюремной камере в каком-то Мухосранске, окруженном зомби? – Он совсем повесил нос, и теперь мне стало не по себе. – Прости, дружище, просто вырвалось.

Он посмотрел на меня:

– Нет... друг... ты ведь прав. Творится какая-то чертовщина, а я до сих пор не осознал, что все это происходит на самом деле. Понимаешь, о чем я?

Я кивнул, потому что прекрасно понимал его. В романах ужасов вечно твердят, что это просто кошмар и в конце концов ты проснешься и обнаружишь, что оборотня, который отгрызает тебе ногу, не существует в действительности. Бугимэн, который среди ночи выходит из шкафа, чтобы украсть у тебя душу, – это просто выдумка. Мы просто

не созданы для того, чтобы осознавать вещи подобного рода. Мы отбрасываем их в сторону или предпочитаем не обращать на них внимания, а не принимать то, что происходит у нас под носом.

В моей школе учился один парень, Джефф, на пару лет меня старше. Он встречался с Хиллари, которая считалась первой красоткой школы, хотя это тут ни при чем. Они были воплощением школьной любви: познакомившись еще в детстве, они вместе выросли, и вместе с этим развивались их отношения. Они встречались до самого выпускного, а потом поступили в один колледж, чтобы не разлучаться, и на втором курсе решили пойти под венец. Им хотелось устроить большую, пышную свадьбу. Они приехали домой на каникулы по случаю Дня благодарения и рассказали всем о своих серьезных намерениях, хотя это и не стало ни для кого сюрпризом. Но живем мы не в сказке, и тем далеким холодным ноябрьским вечером какой-то придурок решил помыть свою машину, и вода, которая с нее натекала, замерзла на дороге. Джефф не справился с управлением и врезался в почтовый грузовик. Когда двигатель на 302 лошадиных силы наконец-то сняли у Хиллари с колен, жизнь уже давно покинула ее. Джефф две недели провел в больнице, где ему кололи успокоительные, потому что иначе он бродил из палаты в палату и искал ее. Я слышал, что даже много лет спустя он время от времени звонил родителям Хиллари и спрашивал, дома ли она. Как бы на такое отреагировал любой из нас?

Зомби были для нас чем-то вроде этого. Признать их реальность оказалось очень непросто. Порой я даже задумывался о том, когда смогу вернуться домой и снова поиграть на приставке, постричь лужайку или просто посмотреть бейсбол по телевизору. Но всему этому давным-давно пришел конец, пусть я и отказывался в это верить. Нашу новую реальность населяли огромные толпы чудовищ. Каждый день мы боролись за выживание. Такой была правда. Жизнь теперь стала ношей, которую приходилось нести на плечах, пока кошмарная тяжесть отчаяния не переламывала нам хребет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.